

18+

Анастасия Дэвис
Репетиция для двоих
и собаки

Анастасия Дэвис

Репетиция для двоих и собаки

<https://litres.ru/74155129>

ISBN 9785007023429

Аннотация

Илья — перфекционист, чья жизнь расписана по нотам, пока группа не распадается перед самым туром. Встреча с рыжеволосой Лизой превращает его путь в хаотичное роудмуви по дорогам Казахстана. Вместе с эксцентричным псом они променяют большие сцены на концерты в степи. Это история о том, как замолчать, чтобы услышать себя, и как случайный попутчик помогает найти верный ритм. Когда планы рушатся, начинается настоящая музыка.

Содержание

Анастасия Дэвис	5
РЕПЕТИЦИЯ ДЛЯ ДВОИХ И СОБАКИ	6
Роман	6
Предисловие	7
Глава 1. Одинокий гитарист	9
Глава 2. Собака, гитара и голос, которого не ждал	18
Глава 3. Первый аккорд несостыковки	24
Глава 4. Кофе, который всё испортил — И?	30
Глава 5. Голос под дождём	35
Глава 6. Не тот фестиваль	36
Глава 7. Костер, палатка и спор о жизни	40
Глава 8. Импровизация	51
Глава 9. Пункт назначения-неизвестен	76
Конец ознакомительного фрагмента.	98
	103

Репетиция для двоих и собаки

Анастасия Дэвис

Дизайнер обложки Анастасия Алексеевна Самуткина

© Анастасия Дэвис, 2026

© Анастасия Алексеевна Самуткина, дизайн обложки,
2026

ISBN 978-5-0070-2342-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анастасия Дэвис

РЕПЕТИЦИЯ ДЛЯ ДВОИХ И СОБАКИ

Роман

Предисловие

Вы когда-нибудь чувствовали, что ваша жизнь превратилась в затянувшуюся репетицию? В бесконечную подготовку к чему-то важному, что всё никак не наступит? Мы настраиваем инструменты, учим партитуры, выверяем каждый шаг, боясь фальшивой ноты, и забываем, что сама музыка происходит именно здесь и сейчас — в скрипе старых тормозов, в шуме дождя по крыше фургона и в случайном взгляде попутчика.

Эта книга выросла из любви к дорогам и веры в то, что самые правильные вещи случаются тогда, когда рушатся все планы. Когда идеальный график рассыпается в прах, а вместо выверенного студийного звука вы получаете хриплый голос, расстроенную гитару и рыжего пса, который считает себя главным дирижёром этого безумия.

«Репетиция для двоих и собаки» — история не о поиске славы. Она о поиске того самого внутреннего резонанса. О том, как важно иногда потерять навигатор, чтобы найти себя. О том, что любовь — это не когда вы поёте в унисон, а когда вы позволяете друг другу импровизировать, зная, что в конце мелодии вы всё равно встретитесь в одной точке.

Я приглашаю вас сесть на пассажирское сиденье нашего синего минивэна. Потеснитесь, Элвис не очень любит делить свое место, но для хорошего человека он сделает исключе-

ние. Впереди — тысячи километров Казахстана, пыльные трассы, запахи степных трав и кофе из термоса.

Пристегните ремни. Наша репетиция начинается. И, честно говоря, я очень надеюсь, что она никогда не закончится.

Анастасия Дэвис

Глава 1. Одинокий гитарист

Утро началось с ноты фа. Точнее — с того, что чайник зашвистел чуть мимо ноты фа, и это Илью раздражало больше, чем холодный пол или недопитый вчера кофе. Он выключил плиту, прислушался к звуку пара — и только тогда заметил, что телефон на столе мигает.

Сообщение пришло в 07:14. Короткое, без смайликов и лишних слов.

«Извини, мы не поедem. Группа распалась. Удачи!»

Он перечитал — дважды. Потом — вслух, будто интонация могла что-то изменить.

Ничего не изменилось.

На столе — чек-лист, написанный им накануне вечером.

- ✓ Гитара — в чехле.
- ✓ Кабели — в коробке.
- ✓ Педали — протереть.
- ✓ Струны — запасные, комплект × 2.
- ✓ Команда — в 9:00 выезд.

Он вздохнул. Пятый пункт можно вычеркнуть полностью.

Вода в кружке ещё не остыла, но чай вдруг показался безвкусным. Илья взял телефон, набрал сообщение «Вы серьёзно?», стёр, написал «Почему?», стёр, потом просто положил аппарат экраном вниз.

В кухне пахло вымытым полом и терпкой мятой — он

вечером добавлял несколько листьев в чайник, чтобы «очистить пространство». Пространство очистилось, пожалуй, слишком основательно — теперь в нём звенела тишина.

Он открыл ноутбук, проверил погоду, маршрут до фестиваля, расписание выступлений. Всё было на месте, кроме людей.

Фестиваль «Сцена под звёздами», суббота, 18:30 — группа *Новый курс*. Его группа. Бывшая.

— Прекрасно, — сказал он пустоте. — Идеально. Просто мечта.

На стене висел постер старого концерта — он и трое других, улыбаются, будто победили мир. На фото у всех одинаковые футболки и разные взгляды: двое смотрят в объектив, один — в пол, а Илья — куда-то вбок, туда, где, вероятно, когда-то было будущее.

Он снял постер, свернул в трубку и убрал в тумбочку.

Пора.

Сборы заняли двадцать пять минут.

Три рубашки (по дням), два набора джинсов, зубная щётка, блокнот, тюнер, струны, плеер, наушники. Всё аккуратно разложено, всё идеально сложено. В жизни, где всё распадается, порядок — единственное, что можно контролировать.

Когда он вышел из квартиры, воздух показался чересчур ярким. Город жил без его участия — автобусы, кофейни, люди в наушниках. Никто не подозревал, что где-то на седьмом этаже только что распалась группа, которая могла — а мо-

жет, и не могла — стать чем-то большим.

Он дошёл до парковки, где стоял его минивэн. Старый, синего цвета, с вмятиной на двери и надписью маркером «Не бросай мечту» на бардачке — шутка одного из бывших участников.

Илья провёл рукой по капоту, будто проверяя пульс.

— Живой? Ну и ладно. Едем.

Мотор завёлся с третьей попытки, хрипло и обиженно. Навигатор сообщил бодрым голосом: «Через двенадцать километров поверните направо. Время в пути — три часа сорок пять минут».

— Ага, — буркнул Илья. — Три часа сорок пять минут, чтобы обдумать все ошибки. Отличный план.

Он включил радио — и получил в ответ бодрый утренний эфир. Ведущие шутили про «звёзды, которые снова воссоединились после распада». Илья выключил звук на второй секунде.

На заднем сиденье звякнула гитара.

— Не переживай, — сказал он ей. — У нас тоже будет тур. Сольный. Очень сольный.

Дорога петляла мимо серых домов и вывесок, где всё обещало начать жизнь с понедельника.

Илья держался за руль, как за якорь. Мир вокруг был неуправляем — но в машине всё ещё можно было задавать темп.

Километры тянулись вязко, будто мир решил проверить

его терпение на прочность. За окном всё было одинаковым: серые поля, редкие заправки, рекламные щиты с обещаниями счастья в кредит.

Он ехал, слушая, как мотор то урчит, то кашляет, и думал, что, в сущности, у них с машиной много общего. Оба вроде бы на ходу, но уже не в форме.

На первой заправке он вышел размять спину и взять кофе.

Кофе, конечно, оказался бурым недоразумением, но хотя бы горячим. В автомате надпись «Выбери свой вкус!» казалась издёвкой. Выбирать, по большому счёту, было не из чего — как в жизни.

Рядом у витрины стоял мужчина с коробкой пончиков. Он заметил Илью и кивнул:

— В дорогу?

— В дорогу.

— Один?

— Ага.

— Ну, значит, быстро доедешь.

Простая логика. Без группы, без пробок, без свидетелей неудач — чистый, прямой путь. Только вот зачем он теперь?

Он сел обратно за руль, глотнул кофе и чуть не обжёг язык.

— Горячо, — сказал он в пустоту. — Зато живой.

Навигатор бодро сообщил: «Следующий поворот — через сто метров».

Илья послушно повернул.

На обочине мелькали редкие фигуры — дачники с лопатами, пара подростков с гитарами, женщина с плакатом «До вокзала». Он машинально отвёл взгляд. Помогать — не его сегодняшняя роль. Сегодня он был тем, кто выживает.

Музыка в голове крутилась сама собой. Не песни группы — он зарёкся их напевать. Что-то новое, неоформленное, рваное. Как будто в нём, под привычным перфекционизмом, шевелился живой звук, которому раньше не давали выйти.

Он тихо постучал пальцами по рулю — так, будто проверял, есть ли ещё ритм.

Был. Но сбившийся.

Навигатор внезапно издал короткий писк и замолчал. Экран потемнел.

— Только не ты, — вздохнул Илья. — Мы же договаривались: ты — техника, я — артист. Каждый в своей роли.

Он постучал по корпусу, но устройство упорно не реагировало. Отлично.

В бардачке лежала бумажная карта — реликвия, которую он когда-то смеялся выбросить. Теперь пришлось развернуть её прямо на руле.

Дорога петляла по бумаге, как нота по старому нотному стану. Ничего не понятно, но красиво.

Он тронулся дальше. Через пару километров заметил на обочине придорожное кафе — вывеска обещала «Домашнюю еду, как у бабушки».

Бабушки, правда, у него никогда не было, которая бы ва-

рила борщ и пекла пироги. Зато были гастроли, полуночные вокзалы и холодные бутерброды. Вкус ностальгии — это, скорее, майонез из автомата.

Он остановился. Захотелось нормальной еды, пусть даже сомнительной.

Внутри кафе пахло жареным маслом и усталостью.

Официантка с красными ногтями спросила:

— Один?

— Уже привычно, — ответил Илья.

Он заказал омлет и чай.

За соседним столиком спорили два водителя о том, кто из них быстрее доберётся до границы. Радио играло фоном — очередная поп-песня о вечной любви.

Илья поймал себя на мысли, что слушает не слова, а звук. Чисто, ровно, без души. Всё как надо, но не живое.

Он задумчиво сказал:

— Профессионально сделано. Безупречно. И абсолютно мёртво.

Официантка посмотрела с недоумением:

— Простите?

— Да нет, я про песню.

Он расплатился, вышел, вдохнул прохладный воздух.

Ветер трепал афишу фестиваля, наклеенную на остановке. Те же даты, то же название. Он прикоснулся к бумаге, будто хотел убедиться, что всё ещё в игре.

— Поедем, — сказал он машине. — Если не до сцены, то

хотя бы до конца дороги.

К вечеру дорога потемнела, солнце опустилось за горизонт, оставив в зеркале заднего вида полоску огня. Илья включил фары — жёлтые конусы света выхватывали из темноты редкие дорожные знаки и силуэты деревьев.

Он давно не любил ночь. Когда-то она казалась ему временем вдохновения — репетиции до утра, сигареты на балконе, музыка, которая рождалась между двух вдохов. Теперь ночь была просто временем, когда нечем отвлечься от себя.

Он поймал себя на мысли, что уже не думает, куда едет. Просто едет.

Дорога как будто сама знала — куда.

На обочине показался указатель: **«Берёзовка — 12 км»**.

Название ничего не говорило. Случайный пункт на карте.

Но что-то в нём отозвалось — тихое, как эхо детства.

Он свернул.

Через несколько минут начались дома — частные, невысокие, с редкими огнями в окнах. Где-то лаяла собака, где-то горела лампа под навесом. Всё выглядело странно мирно.

Он остановился у старого мотеля, похожего на декорацию к фильму, где время замерло. Табличка «Есть места» мигала неровным светом.

На ресепшене сидел мужчина лет пятидесяти с газетой.

— Номер? — спросил он, не поднимая глаз.

— Один, — ответил Илья. — На ночь.

— Паспорт.

Заполнив анкету, Илья поднялся по деревянной лестнице. Пол скрипел, как будто жаловался на каждый шаг.

Комната оказалась крошечной, но чистой: кровать, тумбочка, окно на поле. В углу — пыльный телевизор.

Он сел на кровать, снял куртку, прислушался к тишине.

Тишина была плотной, вязкой — такой, в какой легко услышать собственные мысли.

Телефон мигнул на столе.

Сообщение от бывшего продюсера:

«Если передумаешь — место твоё. Но долго ждать не будем».

Он уставился на экран. Несколько секунд. Потом просто положил телефон экраном вниз.

Он не передумает. Даже если не знает, что делать дальше — назад он не пойдёт.

Он прошёл к окну.

Внизу ветер шевелил траву. Где-то вдали светились огни трассы.

Всё казалось нереальным, будто сцена без зрителей.

Он вспомнил, как стоял на настоящей сцене — под светом, под криками толпы, когда адреналин выталкивает из тебя всё человеческое, оставляя чистую энергию.

И теперь — абсолютная тишина.

Пальцы сами нашли ритм на подоконнике. Сначала лёгкий, потом сильнее. Он стучал, будто хотел вызвать звук обратно в жизнь.

Но звук не приходил.

Он вздохнул, лёг на кровать и закрыл глаза.

В темноте шумели собственные мысли — беспорядочно, как недописанная песня.

Перед сном он подумал, что, может, именно здесь — на краю неизвестного — начнётся что-то новое.

Не тур, не контракт, не очередной альбом.

Что-то другое.

Он не знал, что уже утром эта дорога заведёт его туда, откуда пути назад не будет.

Глава 2. Собака, гитара и голос, которого не ждал

Утро началось с ветра. Он бил по стёклам мотеля, гнал по полю пыль и прошлогодние листья. Илья проснулся раньше будильника — глаза открылись сами, будто организм понял: спать дальше бессмысленно.

Он умылся, собрал вещи, допил остатки вчерашнего чая из пластикового стакана и вышел на улицу. Воздух был прохладным, пах бензином и чем-то сладким, возможно — печёными булочками из кафе у трассы.

Машина стояла там же, под облезлой вывеской. Он завёл двигатель, послушал, как мотор хрипит, будто тоже не выспался, и выехал на дорогу.

Навигатор всё ещё молчал. Но Илья уже не сердился — пусть ведёт интуиция. Иногда молчание техники точнее слов людей.

На выезде из Берёзовки он увидел её.

Девушка стояла у обочины, держа в руках картонку с надписью чёрным маркером:

«До фестиваля или до катастрофы».

Рядом сидела собака — рыжая, с чёрной мордой, похожая на помесь дворняги и рок-звезды. На шее у пса болтался старый платок в клетку.

Илья по инерции сбросил скорость, потом выругался себе под нос — не хватало ещё чужих приключений — и хотел проехать мимо. Но собака поднялась, сделала шаг на дорогу и посмотрела прямо ему в глаза. Не жалобно, а осмысленно, как будто знала, что делает.

Он остановился.

Девушка наклонилась к окну.

— Вы не к фестивалю, случайно? — улыbnулась она. — А то нас двоих никто не берёт. Говорят, Элвис слишком подозрительный.

Илья посмотрел на собаку.

— Элвис?

— Ну да, Элвис. Потому что король.

Пёс зевнул и уставился в сторону, как будто подтверждая: да, всё верно.

— Я не к фестивалю, — сказал Илья.

— А зря, — она закинула рюкзак за спину. — Там обещают звёзд, пыль и разочарование — всё, что нужно для просветления.

Он вздохнул.

— Садитесь. Только без песен.

— Как скажете, — она распахнула дверь и запрыгнула внутрь с лёгкостью гимнастки. Элвис прыгнул следом, сразу устроился на заднем сиденье.

Она пахла дорогой, солнцем и чем-то цитрусовым. Волосы, светлые, в беспорядке, глаза — зелёные, живые.

— Спасибо, — сказала она, застёгивая ремень. — Я Лиза.

— Илья.

— Очень приятно, Илья-не-к-фестивалю.

Он промолчал. Машина тронулась.

Минут десять они ехали молча. Потом Лиза включила радио — и на первой же станции зазвучала песня Ильиной группы, записанная пару лет назад.

Он вздрогнул.

Лиза тут же обернулась:

— О, вы это слышали? Обожаю эту песню. Только голос там какой-то... искусственный, что ли. Как будто человек поёт, а сам в это не верит.

Он поморщился:

— Бывает.

— А вы кто по профессии?

— Был музыкантом.

— Был? Это как «был живым»?

Он чуть усмехнулся, не отводя взгляда от дороги:

— Почти.

Лиза прикусила губу, достала из рюкзака гитару — старую, с облупившимся корпусом.

— Раз уж вы не к фестивалю, давайте хотя бы дорогу украсим.

— Я же сказал — без песен.

— А я пою не песни, а правду, — и прежде чем он успел возразить, она взяла первый аккорд.

Голос оказался удивительно чистым — не громким, не натянутым, но живым. Песню Илья не знал. Слова были простые, будто из разговоров на кухне: про ветер, про дом, про тех, кто остался ждать.

Он не заметил, как перестал хмуриться.

Музыка звучала не как вызов, а как напоминание, что где-то под кожей всё ещё есть чувство.

— Ну как? — спросила она, когда закончила.

— Поёшь не хуже птицы в будке, — сказал он, повторив её фразу с иронией.

Она рассмеялась:

— Видите, всё-таки слушали. Значит, ещё жив.

Элвис залаял, будто подтверждая сказанное.

— Тише, Элвис, — сказала Лиза. — Мы тут важный момент поймали.

— Какой?

— Момент, когда человек снова начинает слушать.

Он хотел ответить, но промолчал.

Дорога тянулась вперёд. Асфальт блестел после ночного дождя, солнце пробивалось из-за облаков. Лиза рассказывала истории — о том, как бросила работу в турагентстве, как училась играть на гитаре по видео, как собаку назвала в честь Элвиса, потому что «тот тоже был непредсказуемым».

Она говорила много, но не раздражала. Её болтовня звучала как фоновая мелодия, под которую можно было ехать, не думая.

Иногда она смотрела на него, как будто знала, что за внешним спокойствием — пустота.

— А вы куда, если не на фестиваль?

— Сам не знаю.

— Отлично, — сказала она. — Значит, у нас совпадают маршруты.

Он усмехнулся.

— Я не беру попутчиков надолго.

— А я не задерживаюсь там, где неинтересно. Так что посмотрим, кто первый сдастся.

Собака снова гавкнула, и Илья почему-то почувствовал, что проигрывает именно он.

Они остановились у кафе на трассе. Лиза заказала два кофе и три пончика — один для Элвиса.

— Псу — сладкое? — удивился Илья.

— Это не сладкое, это радость. Ему тоже надо.

Она говорила просто, но в этих словах была логика, которой он давно не пользовался.

Позже, когда они снова ехали, Лиза вдруг спросила:

— А вы ведь были на сцене, да?

Он посмотрел на неё.

— Почему решила?

— У вас руки музыканта. И взгляд, как у тех, кто знает, что свет может быть тяжелее темноты.

Он долго молчал.

— Был.

— И почему «был»?

— Потому что, когда перестаёшь слышать себя — перестаёшь быть.

Лиза кивнула, будто услышала больше, чем он сказал.

— Тогда, может, мы поищем тебя по дороге? — тихо сказала она.

Он хотел усмехнуться, но не смог.

Солнце клонилось к закату, дорога становилась мягче, цвета — теплее.

Элвис спал, положив голову на гитару.

Лиза пела вполголоса.

А Илья впервые за долгое время не чувствовал раздражения от чужого звука.

Он ловил каждое слово, будто боялся пропустить момент, когда что-то внутри начнёт меняться.

На очередном перекрёстке он посмотрел на табличку:
«Фестиваль — 48 км».

И впервые за всё это время не свернул прочь.

Глава 3. Первый аккорд несостыковки

Началось всё с музыки.

Вернее, с того, что Лиза решила, будто дорога без громкой музыки — преступление против Вселенной.

Она нажала кнопку, и из динамиков вырвался поток звука — что-то ритмичное, с текстом про «любовь без обязательств» и «танцы до утра».

Илья вздрогнул так, будто его ударили током.

— Что это? — спросил он, повысив голос, чтобы перекрыть припев.

— Музыка, — ответила Лиза, пританцовывая на сиденье.

— А ты думал, землетрясение?

— Это не музыка. Это катастрофа.

— В названии таблички было написано: «До фестиваля или до катастрофы». Так что я честно предупредила.

Он протянул руку, чтобы убавить громкость, но Лиза перехватила:

— Только тронешь — минус настроение.

— Зато плюс слух.

Элвис в это время мирно хрустел чем-то на заднем сиденье.

Илья обернулся и замер.

— Это... мой бутерброд.

Лиза взглянула через плечо:

— Твой? Ну, формально — его. Он просто первый добрался.

— Он не человек, чтобы есть бутерброды с ветчиной.

— Не будь видоспесистом.

Он вздохнул, достал из бардачка листок бумаги и ручку.

— Что это? — насторожилась Лиза.

— Правила поведения в машине.

— Ты серьёзно сейчас?

— Абсолютно. Пункт первый: водитель выбирает музыку.

— О, началось! — театрально закатила глаза Лиза. — Давай сразу пункт второй: пассажир обязуется не иметь собственного мнения.

— Отличная идея. Запишу.

— А пункт третий: собака имеет право на пончик и моральную поддержку.

Элвис тьякнул, будто подписываясь под словами.

— Это не машина, а парламент, — пробормотал Илья. — Осталось выбрать спикера.

— Им будет Элвис, он самый адекватный из нас троих.

Илья проигнорировал. Он хотел ехать спокойно, но рядом сидел человек, для которого тишина — это синоним скуки.

Каждые пять минут Лиза что-то трогала: стеклоподъёмник, бардачок, радио, зеркала.

— Что ты делаешь?

— Изучаю территорию. Вдруг тут где-то кнопка «веселье».

— Нет, но есть кнопка «высадить».

Она фыркнула:

— Ты занудный, как метроном.

— А ты непредсказуемая, как барабанщик без слуха.

— О, сравнил! Между прочим, барабанщики — душа группы.

— Пока не начинают соло. Тогда — катастрофа.

Несколько минут они ехали молча. Потом Лиза включила следом Queen.

— Вот, — сказала она. — Настоящая классика. Без сарказма.

Илья кивнул.

— Согласен.

— Значит, любимая — «We Will Rock You»?

— Нет. «Too Much Love Will Kill You».

— Хм. Окей, философ. А я больше по «Don't Stop Me Now».

Песня зазвучала, и Лиза подпевала во всю силу голоса. Элвис был в такт.

— Вы издеваетесь, — сказал Илья.

— Мы живём! — ответила она.

Через пару километров она вдруг спросила:

— А Би-2 тебе как?

— Как? — он прищурился. — Как воспоминание о девя-

ностей, которое не уходит, сколько ни выключай.

— Ах вот ты как! «Полковнику никто не пишет», между прочим, гимн поколения.

— Моего поколения, — уточнил Илья.

— Тем более. Неужели не щемит?

— Щемит. От того, как часто её поют фальшиво.

Лиза закатила глаза:

— Ты вообще способен просто слушать? Без *dissectio musicalis*?

— Если музыка этого заслуживает — да.

— Знаешь, — сказала она, — ты напоминаешь мне моего бывшего.

— Сочувствую.

— Он тоже считал, что эмоции надо дозировать. Только потом выяснилось, что он путает дозирование с отсутствием.

Он посмотрел на неё мельком, но промолчал.

Она усмехнулась:

— О, задело. Счёт 1:0 в мою пользу.

Элвис снова сунул морду в пакет на заднем сиденье.

— Только попробуй, — сказал Илья. — Это мой последний пончик.

— Он не ест пончики.

— Он только что ел мой бутерброд.

— Это было из жалости. Ему тебя стало жалко.

Он хмыкнул.

— Отлично. Теперь даже собака меня жалеет.

— Видишь? Прогресс. Значит, не всё потеряно.

На очередной заправке Лиза выскочила первой, купила себе газировку и пачку жвачки.

— Хочешь? — предложила.

— Нет.

— Ну, хоть притворись, что у тебя вкус к жизни есть.

Он взял жвачку, сунул в рот, и, к своему удивлению, почувствовал, как впервые за долгое время хочет смеяться. Настояще, не из вежливости.

Когда они снова тронулись, он сказал:

— Знаешь, я думал, дорога — это способ отдохнуть от людей.

— Ошибся маршрутом. Тут я, Элвис и радиостанция «Жизнь без фильтра».

Она включила песню Queen снова.

Он сделал вид, что недоволен, но не выключил.

— Вот видишь, — сказала она. — У нас уже синергия.

— Нет. Это просто капитуляция.

— Главное — признать. Первый аккорд несостыковки прозвучал, теперь можно репетировать совместный хаос.

Элвис твякнул в подтверждение.

Лиза подняла руку, будто дирижируя:

— Итак, господин музыкант, представьте — сцена, свет, толпа, и вы с вашим внутренним метрономом. Что сыграем?

— Тишину.

— Тогда я — бэк-вокал.

Они оба рассмеялись.

Смех прозвучал громко, неожиданно. На мгновение всё перестало быть раздражающим. Просто дорога, утро, солнце, и трое — каждый со своей музыкой.

Илья поймал себя на том, что впервые не хочет, чтобы этот бардак заканчивался.

Глава 4. Кофе, который всё испортил

Утро началось спокойно, что уже само по себе выглядело подозрительно.

Илья даже подумал, что, может быть, они наконец вошли в общий ритм: Лиза перестала спорить с навигатором, Элвис дремал, свернувшись калачиком, а из динамиков тихо играла радиостанция с джазом.

Дорога была ровной, солнце — тёплым, и всё шло настолько гладко, что Илья почти поверил в возможность гармонии.

— Слушай, — сказала Лиза, задумчиво глядя в окно. — А ведь дорога — как песня. Главное — не сбиться с ритма.

— Ритм у нас, кажется, умер вчера, — пробормотал он.

— Зато сегодня похороны с оркестром, — отшутилась она.

Он усмехнулся краем губ.

Даже раздражение от неё как будто потускнело. Может, просто устал злиться.

Через пару часов они остановились на заправке.

Лиза, как всегда, первой выскочила из фургона.

— Я возьму кофе. Тебе что?

— Чай. Без сахара.

— Без сахара? Боже, как скучно. Ты вообще когда-нибудь делал что-то с удовольствием?

— Да. Молчу.

Она показала язык и скрылась за дверью магазина.

Илья остался у машины, проверял крепление гитары, разложенной на заднем сиденье. Инструмент был старый, почти реликвия. Он знал каждую царапину, каждый след пальцев на корпусе.

Её покупка когда-то была первым настоящим шагом во взрослую жизнь. Всё остальное — контракты, сцены, гастроли — казалось вторичным.

Гитара была настоящей.

Надёжной. В отличие от людей.

Лиза вернулась с двумя стаканами и пачкой круассанов.

— Вот, держи, — протянула она ему кофе. — Ошиблась напитком, но не судьбой.

— Я просил чай.

— А судьба — кофе. Смирись.

Она поставила стакан на капот, а сама уселась на переднее крыло, болтая ногами.

— Классная у тебя тачка.

— Старая.

— Зато с характером. Как ты.

— Это не комплимент.

— Не уверена.

Элвис тем временем снова проявил инициативу: сунул

морду в пакет с круассанами.

— Элвис! — вскрикнула Лиза. — Не жри без очереди!

Илья едва заметно улыбнулся, но сразу спрятал это за хмурым взглядом.

— У тебя в команде явно проблема с дисциплиной.

— Зато нет скуки.

Она подняла стакан кофе и сделала глоток. И в этот момент всё произошло.

Один неудачный взмах руки, одно неуклюжее движение — и коричневая жидкость вылетела из стакана, будто специально выбрав самое уязвимое место.

Кофе полетел по дуге, и струя густо легла на гитару, стоявшую на заднем сиденье с открытой дверцей.

— Нет! — Илья рванулся вперёд.

Запах кофе и лака мгновенно смешался в воздухе.

Он схватил гитару, промокшую по корпусу, и на секунду просто стоял, не в силах произнести ни слова.

— Прости! — Лиза подскочила, глаза округлились. — Я не хотела, честно, это случайно, я...

— Случайно?! — голос Ильи дрогнул. — Это же не стакан с водой! Это кофе!

— Ну да, но... он был очень вкусный.

Он посмотрел на неё так, что даже Элвис отошёл на безопасное расстояние.

— Ты понимаешь, что это инструмент, а не доска для суши-ки?

— Понимаю! — она судорожно схватила салфетки, потом — свой рукав, начала вытирать корпус. — Сейчас, сейчас всё уберу!

— Не трогай! — он попытался остановить её, но она уже осторожно протирала лак.

— Тихо, спокойно, вот так... не паникуй...

— Я не паникую.

— Конечно. Просто лицо как у человека, который наблюдает конец света в прямом эфире.

Он сжал кулаки.

Кофе стекал по струнам, капая на пол.

Он чувствовал, как внутри поднимается волна злости — не столько на неё, сколько на сам факт того, что всё идёт не по плану. Опять.

— Ты хотя бы могла держать стакан прямо.

— Я пыталась! Он просто... выскользнул.

— Из вселенной?

— Из руки.

Она вытерла последние капли и посмотрела на него.

— Всё. Больше ни следа. Ну, почти.

— Почти. Отличное слово для разрушения.

Он хотел сказать ещё что-то резкое, но вдруг заметил — у неё дрожат пальцы.

И что она вытирала не только гитару, а и собственные глаза рукавом.

— Эй... — сказал он мягче, чем собирался. — Я... про-

сто не люблю, когда...

— Да знаю я, — перебила она. — Всё у тебя по нотам. Даже кофе должен падать в нужный такт.

Она отвернулась, сунула руки в карманы.

Элвис подошёл и ткнулся мордой ей в колено.

Илья долго смотрел на гитару. Потом — на Лизу.

Пятно на лаке уже подсыхало. Пожалуй, не смертельно.

Он выдохнул.

— Ладно. Бывает.

— Бывает? — удивилась она. — Это ты сейчас сказал «бывает»?

— Не повторяй, пока я не передумал.

Она засмеялась — звонко, облегчённо.

Илья покачал головой, снова открыл багажник и достал тряпку.

— Вот. На будущее — вместо рукавов.

— Серьёзно? Я думала, ты меня сейчас выгонишь.

— Хотел.

— И?

— Потом вспомнил, что ты водитель навигатора.

Она рассмеялась ещё громче.

— Значит, всё-таки есть у тебя чувство юмора.

— Нет. Просто чувства иногда путаются.

Они стояли молча несколько секунд.

Заправка гудела где-то позади, пахло бензином, кофе и осенним воздухом.

Лиза вдруг сказала тихо:

— Прости ещё раз.

— Ладно, — ответил он. — Но, если ещё раз польёшь гитару — я заставлю тебя слушать метроном два часа подряд.

— Садизм в чистом виде.

Он улыбнулся, впервые не пряча это.

И понял, что, может быть, не так уж страшно, когда жизнь немного проливается мимо.

Глава 5. Голос под дождём

Дождь начался внезапно — как будто кто-то на небе решил, что всё происходящее требует саундтрека.

Крупные капли ударили по лобовому стеклу, заглушая радио.

Щётки дворников пытались справиться, но быстро сдались.

— Кажется, природа решила нас притормозить, — заметила Лиза, глядя в мутное окно.

— Она не первая, — ответил Илья. — Ещё вчера притормаживала твоя собака.

— Элвис — не тормоз, он философ.

— Конечно. Особенно когда ворует бутерброды.

Она улыбнулась, но звук дождя затопил разговор.

Мир за стеклом растворился в серой пелене, дорога исчезла.

Пришлось остановиться.

Илья заглушил двигатель, оставив только слабый шум вентилятора.

Капли барабанили по крыше в ритме, который будто искал мелодию.

— Вот и всё, — сказал он, откинувшись на спинку сиденья. — Природа решила устроить антракт.

— Отлично. Значит, время для концерта.

Он повернул к ней голову:

— Ты серьезно?

— А что? Публика — ты, сцена — сиденье, акустика — просто божественная.

Она достала из рюкзака крышку от термоса и постучала по ней пальцем.

Глухой звон раздался в такт дождю.

— Видишь? У нас даже ударные есть.

— Это безумие.

— Нет. Это искусство. Иногда они совпадают.

Она тихо начала петь.

Песня была старая — из тех, что не звучат на радио, но живут в памяти.

Простая мелодия, немного хриловатый голос.

Не идеально, не профессионально — зато честно.

Голос будто пробивался сквозь шум дождя, мягко ложился на его плечи.

Илья не двинулся.

Он смотрел, как капли скатываются по стеклу, и слушал.

Сначала просто из вежливости. Потом — потому что не мог не слушать.

Лиза закрыла глаза, напевая строчку за строчкой:

«Если станет вдруг темно, я дойду, я дойду...»

В машине стало теплее. Или это просто ему показалось.

Он поймал себя на мысли, что улыбается. По-настоящему, без привычной защиты.

В груди что-то оттаяло, расправилось.

— Ну? — спросила она, закончив, чуть смущённо глядя на него. — Неужели совсем плохо?

— Плохо? — он покачал головой. — Это...

Он запнулся. Он не умел говорить о таких вещах.

— Это было... честно.

— Честно — это «неплохо, но и не хорошо».

— Честно — это когда не пытаешься понравиться.

Она усмехнулась.

— Ты невозможный тип.

— Стараюсь.

Несколько секунд они просто молчали, слушая, как дождь играет по крыше.

Элвис тихо вздохнул на заднем сиденье, подложив морду под лапу.

Мир сжался до этой кабины, пары голосов и звука капель.

Лиза сказала:

— Знаешь, странно. Обычно люди раздражаются, когда я пою.

— А ты поёшь не для них.

— Для кого тогда?

— Для себя, наверное. Или для дождя.

Она посмотрела на него внимательнее.

— А ты? Для кого играешь?

— Для тишины.

— Вот и баланс, — улыбнулась она. — Я пою, чтобы раз-

бить тишину, а ты — чтобы её собрать обратно.

Он тихо рассмеялся.

— Неплохая формула.

— Хочешь, спою ещё?

— Только если не на термосе.

— Тогда бэк-вокал не гарантируется.

Она постучала по крышке ещё раз — в шутку.

Илья подыграл, пальцами отбивая ритм по рулю.

Вышло неровно, но им обоим понравилось.

Когда дождь начал стихать, они всё ещё сидели в тёплой тишине.

Он не спешил включать двигатель.

Ему вдруг захотелось, чтобы эта остановка длилась чуть дольше.

Лиза посмотрела в окно и сказала почти шёпотом:

— Странно, но с тобой не скучно даже стоять на месте.

— Не привыкай, — ответил он. — Обычно я раздражающе эффективен.

— Уже поздно. Я привыкаю к странным людям.

Он улыбнулся снова. На этот раз — не против воли.

Глава 6. Не тот фестиваль

Дорога закончилась там, где её вообще не должно было быть. Илья морщился, сжимая руль: указатель с надписью «Фестиваль» явно обманывал. Вместо ярких баннеров, гитарных рифов и палаток с мерчем их встретили ряды странных шатров, запах жареного картофеля и непонятные декорации в виде гигантских овощей.

— А это... точно фестиваль? — спросил он, глядя на Лизу.

— Абсолютно, — ответила она с таким видом, будто только что обнаружила золотую жилу. — Только не музыкальный. Сельский. Картофельный.

Илья откинулся на спинку кресла.

— Мы что, ошиблись дорогой на сто километров?

— Нет, — Лиза ухмыльнулась. — Мы просто открыли новый жанр. Картофельный рок.

— Я что-то упустил? — Илья морщился. — Рок и картофель... сочетаются?

С дороги к ним потянулись любопытные жители. Женщины в платках, мужчины с длинными граблями и дети с горохом вместо шариков. Все смотрели на машину, будто ожидали, что сейчас из неё вылезет сцена.

— Вот и артисты! — крикнул кто-то с края площадки. — Мы ждали вас целый год!

— Мы? — Илья сжал руль. — Я не подписывался быть артистом!

— Похоже, подписка уже оформлена, — Лиза кивнула. — И, боюсь, без возможности отмены.

— Так, — сказал Илья, — давайте разберёмся. Мы — музыканты, да. Но... не этого фестиваля.

— Не этого? — громко повторила Лиза, скользнув взглядом по толпе. — Значит, мы — сюрприз! В мире картофельных праздников артисты появляются внезапно.

Толпа зашумела, аплодируя, как будто согласилась. Илья тяжело вздохнул.

— Лиза... почему я чувствую, что уже проиграл?

— Потому что мы ещё не начали. Дыши глубже. Смотри на публику. Они ждут, как будто мы Моцарт и картофель — это симфония.

— Моцарт и картофель, — пробормотал Илья, — звучит угрожающе.

— А ты угрожаешь своим внутренним метрономом, — ответила она с улыбкой. — Но не переживай, он ещё сыграет на твоей стороне.

В этот момент Элвис вылез из машины и, словно профессиональный музыкант, медленно прошёл по площадке, оценивая аудиторию, а затем лёг возле ног Ильи, демонстративно вздыхая.

— Даже он в теме, — сказал Илья. — Я один против всего этого?

— Нет, — Лиза хлопнула его по плечу. — У тебя есть я, Элвис и картофель. Что может пойти не так?

Илья хотел возразить, но понял: возражать бессмысленно. Толпа уже хлопала, ожидая начала. И чем дольше он наблюдал за лицами людей, тем сильнее внутри росло странное чувство. Они ждали не просто музыки, они ждали чего-то живого, настоящего, того, чего он давно не давал миру.

Лиза достала гитару из машины, подмигнула ему:

— Ну что, господин метроном, начнём импровизацию года?

— Если это закончится анекдотом о «музыкантах, которые заблудились на картофельном фестивале», — начал Илья, — я буду возражать.

— Тогда лучше начни играть, — Лиза рассмеялась и уже присела на передний край сцены, как будто репетировала сто лет.

Первый аккорд вырвался в воздух. Элвис завыл в такт, а толпа, не совсем понимая, что происходит, аплодировала. Илья глянул на Лизу. Она улыбалась, играя, будто это было место, где они должны были быть всю жизнь.

— Ну и ну... — пробормотал он. — Я чувствую, что это будет весело.

Толпа смеялась и аплодировала одновременно. Женщина с корзиной картофеля стала подсказывать Лизе ритм, а старик с граблями топал ногой в такт. Илья едва сдерживал улыбку: это было абсолютно абсурдно, и именно в этом —

невероятно смешно.

— Лиза... — начал он, пытаясь говорить сквозь смех, — мы же не репетировали с сельскими дирижёрами...

— А кто сказал, что репетиции обязательны? — ответила она, не отрывая рук от струн. — Импровизация — душа рока и картофельных праздников.

Элвис вскочил на край сцены и стал оглядывать публику с видом маленького, но крайне важного продюсера. Ребёнок рядом крикнул:

— Собаки не должны быть продюсерами!

— Ошибка! — громко ответила Лиза. — Он — главный по настроению. Без него концерта не будет.

Илья медленно начал играть вместе с ней. Сначала скованно, сдержанно, но через несколько аккордов что-то изменилось. Толпа хлопала, кто-то подхватывал простые мелодии, а Лиза, заметив это, стала подпевать громче, подталкивая Илью к смелости.

— Слушай, — прошептал он, слегка смеясь, — кажется, они думают, что мы настоящие артисты.

— А разве мы не? — подмигнула она. — Просто немного сбились с графика.

Вдруг старик с граблями подбежал и, не спрашивая разрешения, начал «танцевать» с граблями, делая вид, что это саксофон. Лиза расхохоталась:

— Ну вот, у нас уже джаз-секция!

— Джаз-секция? — переспросил Илья, едва сдерживая

смех. — Они вообще понимают, что играют музыку?

— Они понимают одно: веселиться. А это важнее всего.

Публика уже кричала: «Ещё! Ещё!» — и требовала повторения простых аккордов. Илья почувствовал странное тепло внутри: впервые за долгое время он не контролировал каждую ноту, но чувствовал, как музыка рождается прямо здесь и сейчас.

— Ты знаешь, — сказал он, слегка наклоняясь к Лизе, — мне кажется, мы неплохо справляемся. Даже с картофелем.

— Даже? — она удивленно подняла брови. — А как насчёт «с картофелем»? Половина успеха!

В этот момент один из детей выкатил маленький тачечку с картошкой, поставил её перед сценой и сказал:

— Это — символ нашего фестиваля.

— Отлично! — Лиза подхватила: — Символ и наш новый менеджер.

Илья тихо рассмеялся: мир сошёл с ума, а они вдруг оказались в эпицентре этой веселой катастрофы. Каждый аккорд, каждый смех, каждый взгляд Элвиса поднимал настроение.

— Знаешь, — Лиза наклонилась ближе, глаза блестели, — я давно так не смеялась.

— Я тоже, — признался Илья. — Хотя... это скорее страх и радость одновременно.

— Страх и радость — идеальная комбинация, — кивнула она. — Главное — играть, а остальное приложится.

Толпа уже начала подпевать, издавая странные, но очаро-

вательные звуки. Илья удивился: это было как маленькое чудо — музыка, смех и картофель слились в один невероятный поток. Он взглянул на Лизу. Она ловила каждый взгляд, каждый аккорд и каждый смех так, будто это было самое главное событие в её жизни.

— Пожалуй, — сказал он тихо, — иногда стоит ошибаться дорогой.

— Ошибаться? — переспросила Лиза, играя на струнах быстрее. — Это называется приключение. И оно начинается именно здесь.

И вдруг Илья понял: вот так, без планов, без репетиций, можно быть настоящим. И не только музыкантом, но и кем-то, кто умеет радоваться жизни — даже если на фестивале вместо сцены картофель.

Выступление набирало обороты. Лиза подпевала, Элвис стал прыгать по краю сцены, а Илья почувствовал, как его пальцы сами находят верные аккорды. Каждая нота становилась всё увереннее, а публика — всё громче.

— Эй, — крикнул один из местных подростков, — ещё один хит!

— Хит? — переспросила Лиза, смеясь. — Это просто набор аккордов!

— А для нас это шедевр! — закричал ребёнок, размахивая картошкой.

Илья только покачал головой: они совсем потеряли контроль над ситуацией, и это было... прекрасно. Он поймал се-

бя на мысли, что никогда не испытывал такой чистой радости от музыки.

— Знаешь, Лиза, — сказал он тихо, когда мелодия замедлилась, — я начал понимать одну вещь.

— Что? — она улыбнулась, не отрывая глаз от публики.

— Иногда настоящая музыка рождается не в студии, не на фестивале, а именно здесь. С людьми, которые улыбаются, даже если ничего не понимают.

Лиза засмеялась и дёрнула за струну, добавляя к мелодии неожиданный акцент. Элвис запрыгал по коленям старика с граблями, а тот, не растерявшись, начал «играть» вместе с ними.

— Слушай, — шепнула Лиза, — смотри, он тоже чувствует ритм.

— Кто? — Илья оглянулся.

— Элвис. И я говорю не про собаку. Про всю эту сумасшедшую толпу!

Толпа подхватывала мелодию, кто-то топал ногой, кто-то хлопал в ладоши. Илья впервые за долгое время почувствовал, что он не просто играет, а делится частью себя.

— Лиза, — произнёс он, слегка нервно, — может, мы продолжим концерт завтра?

— Завтра? — она улыбнулась шире. — Здесь нет завтрашнего дня, только сегодня.

— Сегодня тоже неплохо. — Илья кивнул, понимая, что смысл момента важнее любых планов.

Он посмотрел на Лизу. Её глаза сияли, волосы взъерошены ветром и дождём, если это можно назвать дождём из лёгкого дождичка, который внезапно появлялся среди облаков смеха.

— Знаешь, — прошептала она, — я никогда не думала, что попадём на праздник картофеля.

— А я никогда не думал, что буду рад этому, — ответил Илья.

И они снова сыграли ещё один короткий отрывок, а потом Лиза, заметив, что Илья начинает улыбаться всё шире, крикнула:

— Главное — помни, мы — «Элвис и случайность»!

— И никакого плана! — добавил Илья, и оба расхохотались.

Смех и музыка смешались с запахом земли, пыли и свежего картофеля. В этот момент они поняли: абсолютно не важно, куда они попали. Важнее было то, что они вместе и умеют наслаждаться моментом, даже если он выглядит как полная абсурдность.

— Слушай, — Илья наклонился к Лизе, — если это наша «слава», то я готов быть знаменитым хоть на фестивале картофеля, хоть на Луне.

— Отлично! — она засмеялась. — Тогда держи гитару крепче: впереди ещё много странных фестивалей.

И на фоне смеха, аплодисментов и странных звуков сельской толпы Илья впервые позволил себе быть полностью жи-

вым здесь и сейчас. Без правил, без планов, только музыка, смех и... картофель.

К концу выступления Илья почувствовал странное тепло в груди. Музыка стихала, но аплодисменты не прекращались. Люди хлопали, свистели, смеялись, а кто-то даже подбрасывал маленькие картофелины в воздух, как конфетти.

— Лиза... — начал он, и Лиза повернулась к нему, удивлённая.

— Что? — спросила она, вытирая слёзы от смеха.

— Это было... невероятно. Абсурд, хаос и всё такое, но... — он замялся. — Мне понравилось.

— Тебе понравилось? — она приподняла бровь. — Даже если это был праздник картофеля?

— Даже если. — Илья кивнул. — Я понял, что иногда лучше потеряться, чем идеально следовать плану.

Элвис тем временем устроился на краю сцены, лениво облизывая лапы, и выглядел так, будто только что выиграл Грэмми.

— Слушай, — сказала Лиза, — а знаешь, что самое странное?

— Что? — он прищурился.

— Мы вообще не планировали выступать, но получилось лучше, чем любой план.

— Верно. — Илья улыбнулся. — Это наш стиль: «Элвис и случайность».

Толпа подходила, желая сфотографироваться с «груп-

пой». Илья сначала сопротивлялся, потом засмеялся. Лиза подмигнула ему, и они вместе делали селфи с детьми, бабушками и дедушками, которые на удивление уверенно подыгрывали им на самодельных инструментах: кастрюлях, граблях, ведрах.

— Ты видел того старика с граблями? — спросила Лиза, когда они возвращались к фургону.

— Да. Он реально чувствовал ритм. Я почти поверил, что это профессиональный музыкант.

— Или картофельная магия. — Она засмеялась. — Главное — настроение.

Илья остановился у машины, обернулся к Лизе:

— Знаешь, я думал, музыка — это цифры, ноты, план. Но сегодня... это всё было просто чувство.

— Чувство и картофель, — усмехнулась она. — Много картофеля.

Они засмеялись. Смех звучал легко, искренне, без обычной иронии. Элвис запрыгнул на переднее сиденье, готовый к следующей части странного путешествия.

— И что теперь? — спросил Илья.

— Теперь мы едем дальше, — сказала Лиза, — искать настоящие фестивали, или создавать их сами. Главное — вместе.

— Вместе. — Илья кивнул. — И пусть всякий случайный картофельный праздник будет только началом.

Фургон тронулся, оставляя позади счастливую толпу, звук

смеха и остатки картофельного аромата. Илья поймал себя на том, что впервые за долгое время не думает о планах, целях и ошибках. Только музыка, дорога и тот странный, но тёплый хаос, который они создавали вместе.

И где-то глубоко внутри он понял: настоящее счастье — это не точное попадание в план, а способность наслаждаться каждой случайной мелодией жизни.

Глава 7. Костер, палатка и спор о жизни

После гусиной эпопеи и затянувшегося концерта деревня медленно погружалась в тишину. Праздничные огоньки гасли один за другим, будто сама природа выключала гирлянду. Илья, Лиза и Элвис стояли у фургона, переглядываясь, словно решая, что делать дальше.

— До ближайшего города километров двадцать... — пробурчал Илья, сверяясь с навигатором, который, кажется, всё ещё был зол на них за картофельный праздник.

— Отлично, — весело сказала Лиза. — Значит, ночуем здесь.

— Где «здесь»? — Илья обвёл рукой тёмную улицу: пара домов, огород, маленькая сцена, на которой ещё валялся их покосившийся микрофон.

— На природе. Под звёздами. В романтике, которую ты так упорно игнорируешь.

— Я не игнорирую романтику, — Илья поднял брови. — Она игнорирует меня. Каждый раз.

Лес встретил их мягким сумраком, пахнущим сырой хвоей и чем-то пряным, будто кто-то недавно жарил карамелизированные сосновые шишки. После картофельного безумия, гусиного цунами и криков деревенских детей, уверен-

ных, что Элвис — «волшебная картофельная собака», подобная тишина звучала почти подозрительно.

Илья остановил минивэн, выдохнул, как человек, который наконец дошёл до воды в пустыне, и посмотрел на Лизу:

— Объясни мне одним предложением... зачем мы сворачиваем в лес?

— Чтобы романтика.

— Это не объяснение, это жанр.

— Тогда так: если мы поставим палатку на дороге, нас переедут. А в лесу переедут только комары.

Илья устало потер лицо.

— Удивительно, как у тебя работает логика. Она как трамвай: витиеватая, громкая и всё равно приезжает куда надо.

— Спасибо!

— Это не обязательно был комплимент.

Элвис, давно оправившийся от гусиных приключений, выпрыгнул из машины, увидел дерево и решил устроить ему персональную вечеринку. Лиза начала выгружать рюкзаки и палатку, которую она закупила на распродаже «по суперцене» — что, по мнению Ильи, почти гарантировало проблемы.

— Сколько у тебя опыта с палатками? — уточнил он.

— Два фильма, где герои ночевали в палатке, и один ролик на YouTube.

— Прекрасно. Значит, у нас 30% шанс выжить.

— Не ной, я умею собирать мебель из ИКЕА.

— Это как раз и пугает.

Но несмотря на подколы, они начали работу. Палка вставлялась в петлю, петля в карман, карман в никуда, «этот кусок точно отсюда?», «нет, он из другого набора», «почему в инструкции только картинки?», «Лиза, это не инструкция, это гарантийный талон»...

Наконец, что-то похожее на палатку всё-таки встало.

Правда, немного на бок.

И чуть сползало.

И имело странное подозрительное «ухо» ткани сверху, но Илья сдался первым:

— Всё. Давай считать, что это современное искусство. Инсталляция: «Человек и ткань».

— Это палатка! — гордо объявила Лиза.

— Она выглядит так, будто её рисовал Пикассо в период депрессии.

Лиза фыркнула, но было видно, что она довольна результатом. Она вытащила термос, плед и — как апофеоз романтики — пакет зефирок.

— Ты серьёзно? — Илья посмотрел на зефирки, словно это ящик Пандоры.

— Мы будем жарить маршмеллоу!

— На чём?

— На костре.

— На костре?

— Да.

— Которого... нет?

— Сейчас будет!

Её уверенность звучала так дерзко, что Илья только развёл руками. Он достал из машины складные стулья — один качался так, будто его мучили экзистенциальные сомнения, — и уселся, пока Лиза пыталась найти среди припасов спички. С третьей попытки нашла.

— А костёр мы где разведём? — осторожно спросил он.

— Там, где земля пожухлая. Видишь?

— Вижу. Это ваша экспертная оценка, мисс «два фильма и один YouTube»?

— Именно.

— Чувствую, что мы сгорим красиво.

Но он всё же помог — собрал ветки, разломал пару сухих сучков, сделал вид, что знает, где верх, где низ, а где вообще физика. И в какой-то момент костёр действительно вспыхнул — так резко, что Лиза присела, а Илья отскочил назад:

— Ничего себе! Ты видела? Он загорелся!

— Да это просто удача.

— Нет, это талант. Я... прирожденный поджигатель.

— Илья, нет.

— Ну ладно. Полуподжигатель.

— Нет!

— Хорошо-хорошо... человек, который случайно умеет делать полезные вещи.

Огонь разрастается, трещит, даёт уют. Сумрак перестаёт

быть давящим и становится мягким — будто кто-то включил лампу нужной теплоты. Элвис укладывается у ног Лизы, положив морду ей на колени, как будто это лучшее место во вселенной.

Илья смотрит на огонь, потом на Лизу.

Над ними — чёрное небо, усыпанное звёздами.

И впервые за весь день его внутренний метроном — этот строгий, ритмичный, металлический — будто сбивается.

Не неприятно. Просто... иначе.

— Знаешь, — говорит Лиза, пытаясь развесить носки над огнём, — иногда кажется, что дорога сама выбирает, куда нас занести. То в картошку, то в гусей, то вот сюда.

— Если дорога выбрала гусей, у неё странные вкусы.

— Может, она считает, что нам нужно было это пережить.

— Ничто не заставит меня поверить, что БЫЛО нужно, чтобы меня гоняли гуси.

— Но ты же смеялся!

Илья смутился:

— Это... случайность.

— Ага. Огромнейшая случайность — ровно как то, что мы сейчас сидим у костра, вместо того чтобы ругаться в машине.

Она смотрит на пламя, и он видит — внутри неё что-то движется. Мысль. Воспоминание. Тёплое или болючее — ещё непонятно.

— Лиза?

— Да?

— Ты что-то хотела сказать?

— Потом.

Но Илья чувствует: «потом» — это начало очень важного «сейчас».

Костёр потрескивал так уютно, что Илье впервые за весь день хотелось просто сидеть и ничего не делать. Даже не думать — роскошь, которую он себе почти никогда не позволял. Лиза, наоборот, выглядела так, будто внутри неё только-только включили внутренний генератор мыслей. Она поворачивала маршмеллоу над огнём, и оно понемногу превращалось в золотистый шарик.

— Ты его сожжёшь, — заметил Илья.

— Я его раскрываю суть, — поправила Лиза.

— Это маршмеллоу, а не личность.

— У каждого есть суть. Даже у маршмеллоу.

— Это... философски, конечно. Но не убеждает.

Она улыбнулась, но взгляд всё равно оставался задумчивым.

— Илья... — начала она. — Помнишь, ты спрашивал, зачем я еду на этот фестиваль?

— Ну... ты говорила, что хочу — значит еду. Подумал, это твой фирменный стиль.

— Не совсем.

Она тихо вздохнула — так, будто в груди у неё распахнулась дверца, за которой хранилось нечто личное.

— На фестивале «Звёзды дороги» выступала моя мама.

— Ты говорила, что она была певицей.

— Не совсем говорила... — она поёрзала, поправляя плед. — Я обычно это не рассказываю. Люди, когда слышат про «певицу», начинают представлять эстраду, блёстки, клипы, чего-то такого. Но всё было проще, теплее... и, наверное, честнее.

Огонь мягко освещал её лицо. Она смотрела не на Илью — на пламя. Будто оно помогало вытаскивать слова наружу.

— Мама выступала на маленьких сценах. В домах культуры, на фестивалях, на ярмарках. У неё был такой голос... — Лиза запнулась, сглотнула. — Тёплый. Как будто тебя укрывают одеялом. И всегда немного грустный, даже когда песня весёлая. Иногда люди плакали и сами не понимали, почему.

Илья слушал. Тихо. Без комментариев, без сарказма.

Впервые.

— Я была маленькая, когда она привозила меня на свои концерты. Помню один вечер... — Лиза прикусила губу, вспоминая. — Было так же, как сейчас: огонь, хруст веток, небо, будто нарисовано белой краской. Мама сидела и расплетала мне косички. Делала это медленно, чтобы я не уснула и могла услышать весь её рассказ.

Илья тщательно подвинулся ближе — медленно, чтобы не спугнуть её поток.

— Она рассказывала мне, что этот фестиваль — особенный. Что там публика не просто слушает музыку — она жи-

вёт ею. Что это место, куда приезжают, когда у тебя есть что-то, от чего колет в груди... и ты хочешь отпустить, но боишься.

Илья тихо спросил:

— И она хотела что-то отпустить?

— Думаю, да. — Лиза кивнула. — Но она не успела. Мы должны были поехать на фестиваль вместе... но её не стало.

Тишина вокруг стала заметной. Не гнетущей — трепетной. Как будто сама ночь прислушивалась.

— Лиза...

— Всё нормально, — сказала она слишком быстро. — Это было давно.

— Давно — не значит легко.

Она немного улыбнулась — той грустной улыбкой, которая существует только у людей, научившихся жить поверх раны.

— Когда я выросла, я решила, что должна доехать туда. За неё. За себя. За то маленькое меня, которое тогда сидело у костра и верило, что мама успеет спеть свою самую главную песню.

Илья сжал пальцы, будто пытаясь удержать что-то внутри. Его обычно острые комментарии растворились. Он был другим — мягким, внимательным, почти бережным.

— А почему ты... мне это рассказываешь? — спросил он осторожно.

— Не знаю. Наверное, потому что ты стал слушать не

только чтобы ответить, а чтобы понять.

Илья смутился, потер шею.

— Я... не всегда такой.

— Знаю. Я тоже не всегда такая.

Он усмехнулся:

— То есть ты признаёшь, что обычно ты — катастрофа?

— Конечно! Но очаровательная катастрофа.

— Ммм. Тут спорно.

— Нисколько! У катастроф есть шарм.

Илья поднял бровь:

— Это ты оправдываешь себя или гусей?

— Гусей! Они были прекрасные.

— Они были взбесившиеся летающие машины смерти.

— И всё же ты смеялся.

Он хотел было возразить... но не стал. Потому что правда

— смеялся.

Лиза снова повернулась к огню:

— Мама всегда говорила, что дорога — это не место. Это состояние. Пока ты идёшь, ты живёшь. Пока поёшь — лечишь себя. Пока смеёшься — лечишь других.

Илья смотрел на неё долго. И вдруг ощутил — внутри что-то тихо и почти незаметно смягчилось. Как будто кто-то тронул струну, о существовании которой он забыл.

— Лиза...

— Ммм?

— Спасибо, что рассказала.

Она улыбнулась — по-настоящему. Тепло, просто, без защиты и шума.

И мир вокруг будто стал чуть светлее.

Лиза подбросила в костёр тонкие ветки, и пламя на секунду взвилось выше, осветив поляну, палатки, рюкзаки, и — как назло — перекошенную стойку под гитару, которую Илья так тщательно выравнивал весь вечер.

— Ну ё-моё... — пробормотал он, вглядываясь в тень, которая упрямо клонилась вбок.

— Она просто расслабилась, — философски сказала Лиза.

— Стойка?

— Да! Даже железу иногда отпускать ситуацию.

— Моё оборудование не должно ничего отпускать, — мрачно ответил он. — Оно должно стоять как вкопанное и работать.

— А ты? — прищурилась она. — Ты тоже должен стоять и работать?

— Ну... — Илья запнулся. — Желательно.

Она рассмеялась.

— Боже, ты как приложение с автозапуском!

— Это комплимент?

— Это диагноз.

Он бросил в неё маленький сосновый шарик. Она бросила в него маршмеллоу. И попала в глаз.

— Ай! Лиза!

— Извини! Это был акт любви!

— У тебя странная трактовка любви!

— Она экспрессивная!

Маршмеллоу, растаявший и липкий, стекал по его щеке.

Лиза ржала так искренне, что даже луна, казалось, осветила ей сцену дополнительным прожектором.

— Господи, Илья, ну не делай такое лицо! Ты выглядишь так, будто тебя опрокинула моральная вселенная!

— Она меня действительно опрокинула! — возмутился он. — Я липкий!

— Всего лишь чуть-чуть.

— Я похож на... на...

— На сладкого музыканта?

— Это худшее прозвище в истории.

— Я могу придумать хуже!

— Лиза!

— Липучий Илья!

— Так. Всё. Я ухожу домой. Пешком.

Он поднялся, но она схватила его за край кофты:

— Куда ты пойдёшь? Мы — в лесу. Темно. Могут быть монстры.

— Нет тут монстров.

— Если бы я была монстром, я бы точно пряталась ночью в лесу.

— Спасибо за поддержку.

— Илья, ну не сердись.

Она потянула его обратно к костру, и он удивлённо обнаружил, что сопротивления почти нет. Ни внутри, ни снаружи.

— Ладно, — вздохнул он. — Но маршмеллоу больше не кидаем.

— О-о-о, — протянула Лиза. — Это ты так думаешь.

Она снова посмеялась, но уже мягче.

— Можно я... ещё кое-что расскажу? — осторожно спросила она.

Илья кивнул.

— Иногда мне кажется, что я еду туда не ради мамы. Вернее... не только ради неё. — Лиза обняла колени. — Я хочу доказать себе, что могу довести что-то до конца. Хотя бы раз.

Она замолчала, и ему пришлось нарушить тишину.

— Почему ты думаешь, что не можешь?

— Потому что я... — она на секунду зажмурилась. — Я много начинаю. Училась в трёх вузах, работала в пятнадцати местах, записала двадцать песен и ни одну не дописала. Я... хаос, Илья. Чистый хаос.

— Ты — не хаос.

— Правда?

— Ты... — он поискал слово. — Стихия.

— Стихия — это тоже хаос.

— Нет. Стихия — это... энергия. Непредсказуемая, но живая. Я бы даже сказал... вдохновляющая.

Она удивлённо подняла голову.

— Лиза, ты думаешь, я поехал бы с тобой, если бы ты была просто хаосом?

— Ну... да? Ты же вроде любишь страдать.

— Это ложная информация.

Она тихо улыбнулась. Такая улыбка, от которой что-то тёплое медленно расплзается по груди, будто пригревает изнутри.

— Илья?

— Что?

— А ты? Почему ты едешь? Настоящая причина.

Он напрягся — словно вопрос попал точно в слабое место.

— Чтобы сыграть сольный сет, — автоматически выдал он.

— Нет. Я про настоящую причину.

— Это и есть.

— Илья... — Лиза наклонила голову. — Ты врешь, когда морщишь левый угол рта.

— Я не... морщу.

— Морщишь!

— Я... — он отвёл взгляд в сторону огня. — Я хочу доказать, что могу звучать один. Без старой группы. Без людей, которые решали за меня. Без... прошлого.

— Значит, мы оба что-то доказываем.

— Видимо.

— Интересно, кому-то это вообще нужно?

— Не знаю. Мне — нужно.

— И мне.

Она протянула к нему руку.

— Тост?

— Мы без напитков.

— Тогда... эмоциональный тост.

— Это как?

— Просто положи руку рядом.

Он медленно, но сделал это — положил ладонь рядом с её ладонью, не касаясь, но достаточно близко, чтобы тепло передавалось через воздух.

— За то, чтобы у нас получилось.

— Чтобы хотя бы что-то получилось, — поправил он.

— Чтобы получилось главное.

— А что главное?

— Идти. Не останавливаться.

Огонь потрескивал. Ночь слушала.

А где-то внутри обоих словно включилась маленькая тихая лампочка.

И впервые — оба не спешили её выключать.

Леса ночью становятся совсем другими. Кажется, что даже воздух начинает шептаться сам с собой, делясь историями, которые люди обычно не слышат. Костёр трещал и искрил, как будто старался вставить слово в разговор, и Илья, глядя на огонь, чувствовал странное спокойствие. Оно было таким новым, что даже пугало — но приятно.

Лиза откинулась на рюкзак, вытянула ноги к огню и вдруг

фыркнула:

— Ты заметил, как природа будто специально сегодня подыгрывает?

— Это как?

— Ну, смотри: огонь — романтично, лес — атмосферно, ночь — драматично. Прямо сцена.

— Лес — не декорация.

— Для тебя — нет. Ты ведь вечно всё воспринимаешь технически: звук, свет, настройки...

— Потому что всё имеет значение. Особенно настройки.

— Ты даже в чувства своих людей настраивал бы, если бы мог.

— Конечно нет, — возмутился он. — Хотя... иногда это было бы полезно.

Она прыснула со смеху.

— Ты представляешь? «Лиза, я выставил тебе громкость сочувствия на 30%, но можешь добавить баса, пожалуйста?»

— Очень смешно, — буркнул он.

— Ну прости, но ты правда иногда... такой удобный робосор эмоций.

— Роботы не играют музыку!

— Именно! А ты — играешь. И иногда даже живёшь.

Он бросил в неё сухую ветку.

— Эй! Осторожно! Это моё лицо, оно вообще-то симпатичное!

— Дискутируемо.

— Ты что, серьёзно?

— Нет, конечно. Ты... симпатичный. Особенно, когда не ругаешься.

— Это редкое явление.

— Но зато ценное.

Она склонила голову, внимательно изучая его профиль. Илья почувствовал этот взгляд почти физически, как мягкое тепло, скользящее по коже.

— Можно вопрос? — спросила Лиза тихо.

— Если он не касается моего «режима робота».

— Случайно касается.

— Лиза...

— Просто скажи: ты когда-нибудь отдыхал? В смысле...
прям отдыхал?

— Я отдыхаю.

— Нет. Ты выключаешься. Это разное.

Он хотел спорить, но остановился. Она была права — и это раздражало.

— Мне сложно, — признался он. — Когда останавливаюсь, становится слишком... громко.

— Внутри?

— Да.

Она кивнула так, будто слышала это уже сто раз — потому что сама жила с этим каждый день.

— А у меня наоборот. Если останавливаюсь, становится слишком тихо.

Он удивился:

— Почему?

— Потому что мама пела всегда. Даже когда мы просто дома готовили ужин, она напевала что-то. Или мурлыкала музыку. — Лиза улыбнулась такой мягкой, болезненной улыбкой, что его сердце непроизвольно сжалось. — А потом стало тихо. Совсем. И я... привыкла заполнять это шумом.

Он молчал. Иногда молчание бывает самым правильным ответом.

— Можно расскажу? — спросила она еле слышно.

— Конечно.

Лиза подтянула колени к груди, уткнулась подбородком и, глядя в огонь, начала:

— Мне было семь лет. Мама тогда как раз выступала на том самом фестивале. Это был её лучший концерт. Папа рассказывал, что люди плакали... но от счастья. Он всегда так говорил, будто боялся, что я подумаю что-то плохое. — Она слегка усмехнулась. — А я помню только, как она поднимала меня на сцену и говорила: «Лизка, когда-нибудь ты тоже будешь петь». А я боялась. Сцена была огромной.

Огонь потрескивал, словно ставил запятые.

— После фестиваля она заболела. Очень быстро... — Лиза замолчала, глотая воздух. — Мне казалось, что если я однажды выступлю на том же месте, то услышу её снова. Хоть на минуту.

Илья опустил взгляд. Он был человеком звука — и лучше

многих понимал, как важны утраченные голоса.

— Лиза... это не просто мечта. Это память.

— Понимаешь теперь, почему мне так важно туда по-
пасть?

— Да.

Она выдохнула. Плечи расслабились, будто признание стало чем-то вроде снятого рюкзака.

— А ты? — вдруг спросила она. — Ты говорил: «Хочу
звучать один».

— Да.

— Но... зачем звучать один, если можно звучать... вме-
сте?

Он почувствовал, будто её слова прошли внутри, как звук,
который долго искал правильную частоту.

— Я не знаю, — честно ответил он.

— Ты боишься, что кто-то снова решит за тебя?

— Возможно.

— Я за тебя решать не буду.

— Ты — сама хаос.

— Да! Но хаос не контролирует. Он... сопровождает.

Илья засмеялся впервые за последние минут десять.

— Звучит как угроза.

— Нет. Как предложение дружбы.

— И чего ещё?

— Партнёрства. В дороге. В музыке. В том, что нас ждёт.

Он посмотрел на неё — на свет костра, отражающийся

в её глазах, на тени, бегущие по лицу, на эту искренность, которой не было места в расписании, в правилах, в его старой жизни.

— Лиза... — начал он.

Она улыбнулась:

— Шшш. Не надо сейчас серьёзных слов. Давай просто сидеть. И греться. И быть людьми, у которых получилось хотя бы на одну ночь перестать убегать.

Он тихо кивнул.

И впервые позволил себе расслабить плечи.

И впервые за долгое время — не боялся тишины.

Потому что она была не пустой.

В ней сидела Лиза.

И где-то рядом, у палатки, громко хрюкнул Элвис, переворачиваясь на другой бок.

«И собака», — подумал Илья. — «Ладно. Пусть будет так».

— Слушай, — Лиза внезапно с серьёзным видом посмотрела на Илью, — а ты веришь, что музыка может менять судьбы?

Он моргнул:

— Судьбы...? Ну, если только на 3—4 минуты, пока идёт песня.

— А если на всю жизнь? — она наклонилась, подперев подбородок рукой. — Мама всегда говорила: «Песни — это мосты между людьми и их счастьем».

Илья фыркнул, но в голосе прозвучала лёгкая улыбка:

— Значит, я строю мосты? Интересно, а кто проверяет качество конструкции?

— Я, — усмехнулась Лиза. — И Элвис. Особенно Элвис.

Пёс поднял голову, посмотрел на них как будто с оценкой.

«Всё норм, ребята, можете продолжать».

— Знаешь, — Лиза внезапно вспыхнула озорством, — у меня есть идея.

— Ох нет... — Илья сделал предупреждающий жест.

— Нет, не бойся, — она улыбнулась. — Мы устроим мини-фестиваль прямо здесь. Только ты, я и Элвис. Программа: песни, кофе и философские споры.

Илья приподнял бровь:

— Философские споры? Это вроде как «Кто выше по шкале счастья — я или кофе?»

— Ха! Точно. Или «Если коты управляют вселенной, кто заказывает пиццу?»

Лиза заливисто смеялась, и Илья не смог удержаться — он тоже рассмеялся, мягко и искренне.

— Ладно, — сказал он, — я согласен на твой мини-фестиваль. Но только если Элвис будет ведущим.

— Отлично! — Лиза подпрыгнула. — Тогда откроем турнир по играм на крышках термосов.

Они провели следующие полчаса, отбивая ритм по крышкам, придумывая смешные песни о гусенках, которые «гоняют по двору трактор», и придумывая необычные аккорды.

Элвис громко лаял на каждую новую ноту, будто давая оценку.

— Слушай, — Илья внезапно сказал, — я никогда не думал, что буду смеяться так сильно просто в палатке посреди поля.

— Это сила музыки, — улыбнулась Лиза. — И кофе. И хорошей компании.

— А знаешь, — он замялся, — у меня иногда было ощущение, что музыка — это работа. А сейчас... — он замялся ещё раз, — это игра. И игра гораздо приятнее, чем работа.

Лиза кивнула, её лицо озарилось мягким светом костра:

— Вот и ответ на вопрос, почему я еду на фестивали. Чтобы играть. Чтобы смеяться. Чтобы иногда падать и подниматься снова.

Илья взглянул на неё, и в его груди что-то отозвалось. Впервые он понял, что фестиваль — это не место на карте, а ощущение, которое возникает, когда рядом человек, с которым можно быть честным.

— Лиза... а если мы действительно будем падать? — тихо спросил он.

— Тогда будем падать вместе. И смеяться тоже вместе.

В тот момент тишину разрезал громкий храп Элвиса.

— О, чудо, — Лиза рассмеялась, — он первым объявляет о начале ночного отдыха.

— Да уж, — Илья усмехнулся. — Очевидно, у него расписание строже нашего.

Потом они сели рядом, плечо к плечу, и смотрели, как огонь постепенно превращается в красно-оранжевые угли.

— Знаешь, я раньше думал, что музыка — это только ноты, — тихо сказал Илья. — А теперь понимаю, что она ещё и смех, и паузы, и шум дождя, и странные истории в палатке.

— А ещё любовь, — улыбнулась Лиза. — Даже если пока не романтическая. Любовь к жизни, к моментам, к людям, которые рядом.

Они молчали. Только ветер шептал между деревьями, костёр потрескивал, а Элвис тихо сопел на плече.

— Лиза, — Илья осторожно начал, — спасибо, что пригласила меня в этот безумный тур.

— Безумный тур? — она удивленно посмотрела. — Ты называешь это безумным?

— Да, — он усмехнулся, — потому что я никогда не думал, что буду так смеяться и слушать истории одновременно.

Лиза легонько толкнула его плечом:

— Ну что ж, тогда ждём утро. Завтра новый день, новые песни и, может быть, новый кофе.

Они сидели так долго, пока угли не начали рассеиваться, и первые звёзды не заблестели над палаткой. Каждый из них понял, что эти часы важнее любых планов и расписаний.

Когда небо полностью потемнело, Лиза тихо сказала:

— Знаешь, иногда мне кажется, что мама тоже сидела бы здесь с нами.

Илья посмотрел на неё, заметив, как глаза Лизы слегка

блестят в свете костра.

— Она пела здесь? — спросил он осторожно.

— Нет, — сказала Лиза, — я слишком маленькая была. Но мама часто рассказывала о фестивалях, о толпах людей, о музыке, которая соединяет сердца. Я всегда мечтала оказаться там сама.

Она сделала паузу, смотря на огонь:

— Когда её не стало, я думала, что мои мечты умерли вместе с ней. А теперь... теперь я понимаю, что могу продолжить её путь. И это странно, но здорово одновременно.

Илья молчал. Он впервые слушал её не ради музыки, не ради ритма или звука, а ради смысла. Каждое её слово пробивалось глубже, чем любые ноты. Он понял, что её поездка — это не только желание попасть на фестиваль, а попытка соединиться с памятью о матери и со своей собственной мечтой.

— И что теперь будешь делать? — тихо спросил он.

— Петь, — улыбнулась Лиза. — Пытаться жить так, как она бы хотела. И смеяться. Даже если кто-то считает это глупостью.

Илья взглянул на неё, на огонь, на Элвиса, свернувшегося рядом, и понял: иногда самое важное — это просто быть рядом, слушать и понимать.

— Знаешь, — сказал он, — если музыка может быть мостом, то сегодня мы построили целый город.

Лиза засмеялась:

— А завтра ещё один концерт, и ещё один. И пусть это будут маленькие праздники среди большого мира. Главное — не терять чувство юмора.

Они сидели в темноте, разговаривая о пустяках и великих вещах, спорили о жизни, спорили о музыке, спорили о том, кто сильнее — кофе или сон. Смех то и дело прерывался, потому что Элвис храпел, переворачиваясь на спине, вытягивая лапы к небу.

— Слушай, — сказала Лиза, — а если однажды мы попадём на настоящий фестиваль и люди будут ждать нас как суперзвёзд, мы сможем не потерять эту лёгкость?

Илья задумался:

— Думаю, сможем. Главное — помнить, что музыка начинается не на сцене, а здесь, — он постучал по груди. — И здесь, — добавил он, указывая на её плечо.

Лиза улыбнулась так широко, что казалось, весь мир отражался в её глазах.

— Тогда пусть завтра будет ещё один день музыки, костра и странных историй.

— Согласен, — сказал Илья. — И пусть Элвис контролирует всё остальное.

Они замолчали, слушая шум ночного леса, треск костра и спокойное дыхание собаки. Илья впервые за долгое время почувствовал, что можно просто быть, не планировать, не думать о завтра, а наслаждаться моментом.

Ночь накрыла палатки мягкой тенью, оставив их втроем в

мире, где музыка и смех были важнее любых правил и расписаний. И именно в этом моменте, под открытым небом, Илья и Лиза поняли, что настоящие фестивали случаются не только на сцене, а там, где сердца открыты и готовы принимать музыку жизни.

Эта ночь стала для них началом новой гармонии: между прошлым и настоящим, между страхами и радостью, между Ильёй, Лизой и Элвисом. Каждый вдох был лёгким, каждый смех — искренним, а костёр тихо напоминал, что свет и тепло можно создать даже в темноте.

Глава 8. Импровизация

Утро подкралось незаметно — как будто кто-то решил включить дневной свет на минимальной яркости, чтобы не напугать тех, кто ночью слишком громко спорил о смысле жизни и силе кофеина. Лиза проснулась первой и выбралась из палатки, с трудом распутав волосы, превратившиеся за ночь в композицию «Ураган над лесополосой».

Элвис уже бодро носился вокруг кострища, таща в зубах палку размером с половину Ильи.

— Мальчик, ты с утра как трактор, — простонала Лиза и села на бревно.

Из палатки послышалось что-то вроде:

— Ммм... не может быть... кто перенёс солнце ближе к Земле?.. — и через секунду наружу вывалился Илья, щурясь как кот, которого разбудили пылесосом.

— Доброе утро, маэстро, — сказала Лиза. — Готов к репетиции?

— Я ещё не готов к реальности, — пробормотал он и сел рядом. — И почему у собаки больше энергии, чем у меня?

Лиза усмехнулась:

— Потому что ты вчера спорил о смысле жизни, а он — нет. Он жил в моменте.

Илья фыркнул.

— Жить в моменте... звучит как непредсказуемость.

— Вот и отлично. Сегодня у нас будет урок.

Она встала, вытянулась, словно разминалась перед лекцией по философии, и достала гитару.

— Ладно, профессор импровизации, — кивнул Илья. — Что на повестке?

— Урок первый, — торжественно сказала Лиза, — забудь нотную грамоту.

— Что? — Илья моргнул. — Как это «забудь»? Это же как... как сказать хирургу: «Забудь анатомию, просто поверь в процесс»!

— Только без крови, — засмеялась Лиза. — Давай. Закрывай глаза.

Илья закрыл, хоть и делал это с видом человека, которого заставляют прыгнуть в бассейн неизвестной глубины.

— Теперь представь звук, — сказала она тихо. — Не ноты. Не аккорды. А просто ощущение. Например... как звучит утро?

— Утро звучит как... стон человека, который хочет кофе, — выдал Илья.

Лиза прыснула со смеха.

— Отлично! Прекрасное начало. А теперь сыграй это.

— Лиза, я музыкант. Я не могу сыграть «стон человека»!

— Можешь. Любой звук — музыка, если ты так решил.

Илья взял гитару. Посидел. Подумал.

Потренькал струну — неловко, будто извинялся перед инструментом.

Потом ещё одну.

— О, — сказала Лиза. — А это уже похоже.

— На что?

— На тебя. На твоё утро. На твоё сомнение.

Он посмотрел на неё поверх гитары.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

Её глаза были тёплыми, внимательными, и Илье внезапно стало... спокойно. Как будто с него сняли груз «правильно/неправильно». Как будто можно было просто играть.

Он сделал ещё несколько движений по струнам. На этот раз — свободнее, смелее.

Звук вышел мягким и немного нерешительным — как первый шаг человека по льду.

— Вот! — Лиза хлопнула в ладоши. — Видишь? Ты живой.

— Спасибо, конечно, но я вообще-то всегда был живой.

— Нет, Илья, — сказала она мягко, — ты был структурированный. А это разные вещи.

Илья улыбнулся, сам не заметив этого.

— Ладно. Что дальше?

— Дальше: играй то, что чувствуешь сейчас.

— Сейчас я чувствую, что хочу завтрак.

— Прекрасно. Играйте «Сонатину голодного музыканта».

Он попытался подыграть, и в этот момент Элвис, словно почувствовав свою важность, положил лапу Илье на колено,

создавая вибрацию, которая никак не входила в задумку.

— Элвис, ты — часть перкуссии, — торжественно объявила Лиза.

Илья покачал головой:

— Да уж... импровизация начинается.

Но... ему нравилось.

И это было самым пугающим и самым прекрасным открытием утра.

Илья какое-то время просто сидел с гитарой, прислушиваясь к себе — точно пытался настроиться на волну радиостанции, которая упрямо шипит, но вот-вот поймает чистый звук. Лиза наблюдала за ним с выражением терпеливого тренера, который ждал, когда ученик наконец-то перестанет бояться мяч.

— Хорошо, — сказал Илья, глубоко вздохнув. — Допустим, я попробую. Но сразу предупреждаю: если это будет звучать как падение шкафа — я не виноват.

— Замечательно, — оживилась Лиза. — Падение шкафа — это уже эмоция. Твоя внутренняя мебель, так сказать.

— У меня прекрасная внутренняя мебель, между прочим, — буркнул он.

— Ну вот и покажи её звучание.

Он тронул струны чуть увереннее — как будто решил, что, если уж терять лицо, то красиво. И что-то действительно новое родилось под его пальцами: не идеальное, не отрепетированное, но живое. Звук получился странным, тянущим-

ся, немного с хрипотцой — словно утро пыталось встать на ноги после бурной ночи.

Лиза слушала внимательно, не перебивая, только слегка покачивалась, будто сама была частью ритма. Когда Илья остановился, она не хлопала, не делала драматических жестов — просто тихо сказала:

— Вот это. Слышал?

— Что именно? — осторожно спросил он.

— Ты перестал играть ради того, чтобы было «правильно». Ты играл ради того, чтобы было «твое».

Илья смутился.

— Ты преувеличиваешь.

— Не-а. Ты просто привык жить по нотам, а я вот попыталась дать тебе шанс выйти за рамки партитуры. — Она улыбнулась. — И, между прочим, это было очень мило.

— Милота не входит в мой профессиональный образ, — возразил Илья.

— С этим мы ещё поработаем, — пообещала Лиза.

Элвис в этот момент снова решил помочь: он медленно подошёл, ткнулся носом в гитару и облизал струну.

Инструмент издал звук, который можно было бы описать как «удивлённый писк усталого робота».

— Отличный тон, — сказала Лиза серьёзным голосом. — Добавь его в партию.

— Я НЕ буду добавлять собачье слюно-соло в музыкальную композицию!

— Вот видишь? — отмахнулась Лиза. — Ты всё ещё сопротивляешься импровизации.

Она мягко забрала у него гитару, поставила на колени и сыграла короткую последовательность — лёгкую, свободную, будто звук сам выбирал направление.

Потом подняла взгляд, и в нём было что-то очень личное.

— Музыка — это не про контроль, — сказала она. — Это про доверие. Себе. Миру. Моменту.

Илья хотел что-то ответить, но слова не приходили. Всё, что он чувствовал, — странное, тянущее, почти новое желание понять то, что она несёт с собой. Не только слова. Не только смех. А всю эту её способность жить без страховки.

— Ладно, — сказал он наконец. — Что дальше по уроку?

— Урок второй: двигайся.

— В смысле?.. — насторожился Илья. — Я музыкант, а не танцор.

— А импровизация — это движение, — сказала она. — Твоё тело тоже должно вступить в игру.

— Нет, — он поднял ладони. — Исключено.

— Да. — Лиза схватила его за рукав. — Поднимайся, маэстро. Сейчас будем учить твои ноги чувствовать ритм.

— Мои ноги и чувства — вещи несовместимые, — попытался возразить он, но её смех уже вытягивал его на ровную площадку между деревьев.

Она начала отбивать ритм носком.

Вот легко, будто идёт по пляжу.

Потом почаще — будто убегает от гуся (они оба переглянулись после этой мысли).

— Повторяй, — сказала она.

Илья попытался. Вышло что-то среднее между шагом солдата и походкой человека, который наступил на LEGO.

— Это... это уже ритм? — спросил он.

— Это уже прогресс! — заверила Лиза. — Давай ещё.

Он шагнул снова — осторожно, но увереннее.

Лиза наблюдала, улыбаясь.

— Вот! Видишь? Ты уже двигаешься.

— Я двигаюсь, как пенсионер после зимы.

— Но двигаешься же! Поздравляю, маэстро. Это — импровизация в чистом виде.

Илья остановился, переводя дыхание.

— Лиза, я... не думал, что это может быть... весело.

— О! — Она повернулась к нему с приподнятыми бровями. — Он говорит слово «весело»!

— Не преувеличивай, — вздохнул он. — Оно само вырвалось.

Она подошла ближе, положила руку на его запястье:

— Вот именно. Само. Без плана. Без партитуры. Ты понимаешь, что сейчас случилось?

Илья слегка приподнял бровь.

— Что?

— Первая настоящая импровизация, — прошептала она.

И в этот момент он поймал себя на том, что смотрит на

неё слишком долго.

И что в мире неожиданно стало очень тихо.

Лиза отпускает его запястье, словно понимая, что сейчас грань между уроком и чем-то более личным стала слишком тонкой. Она делает шаг назад, но не теряет той мягкой искры в глазах, которая уже какое-то время заставляет Илью забывать про свои собственные правила.

— Ладно, — говорит она бодро. — Переходим к следующему этапу.

— У нас ещё и этапы? — Илья морщит лоб. — Это что, марафон по избавлению меня от педантизма?

— Именно! Я назвала его «Освобождаем маэстро».

— О нет. Урок официально становится опасным.

— Зато эффективным.

Она снова берёт его гитару, садится на поваленное дерево и перебирает струны так легко, будто пальцы у неё знают дорогу лучше глаз.

Каждая нота — мягкая, теплая, почти домашняя.

— Теперь попробуй подыграть мне, — предлагает она.

— Подыграть? Без нот?

— Угу. Просто почувствуй, что я играю, и найди своё место.

— Моё место обычно — рядом с Excel-таблицами, — парирует Илья.

— Сегодня — рядом со мной. Давай.

Он садится напротив, берёт свою гитару — аккуратно,

будто она только что перенесла операцию и нуждается в щадящем режиме.

Струны под его пальцами звучат осторожно, как человек, который проверяет температуру воды ногой, прежде чем зайти.

Лиза начинает медленную мелодию — лёгкую, но с эмоциональной глубиной, словно разговор, который давно ждал своего времени.

Илья прислушивается.

И играет.

Сначала робко, но скоро их звуки начинают переплетаться.

Не профессионально, не идеально — зато искренне.

— Вот... вот это уже что-то, — шепчет Лиза, будто боится спугнуть момент.

— Я... каким-то образом действительно слышу, — удивляется Илья. — Не просто ноты.

— А что?

— Тебя.

Лиза на мгновение сбивается, но быстро маскирует это улыбкой:

— Отлично. Продолжай слышать.

Они играют ещё несколько минут, пока утро окончательно не расправляет крылья. Воздух становится теплее, туман поднимается и исчезает, и кажется, что этот маленький мир, созданный между двух гитар, наполнен каким-то новым, ти-

хим волшебством.

— У тебя хорошо получается, — говорит она, убирая волосы за ухо.

— Это ты так думаешь, — отвечает Илья. — Или это педагогический трюк?

— Конечно трюк. Но очень честный.

Она встаёт, стряхивает с джинсов сухую траву и вдруг говорит:

— Теперь — танцевальный этап.

— Лиза. Я тебя прошу.

— Маэстро, расслабься. Танец — это тоже импровизация.

Он поднимается, будто идёт на эшафот.

— Я понятия не имею, что делать, — признаётся Илья.

— Отлично! Это идеальное начало.

Она включает на телефоне какой-то простой ритм — лёгкий бит, похожий на чередование шагов по деревянному полу.

И начинает двигаться: мягко, непринуждённо, так, будто эти движения — продолжение её мыслей.

— Сделай так же, — говорит она.

Илья пытается повторить.

Получается... странно.

— Ты двигаешься, как человек, у которого в карманах два арбуза, — отмечает Лиза.

— Это метафора?

— Нет. Это честная реальность.

Илья пытается выпрямиться.

Делает шаг.

Ещё шаг.

Руки не знают, куда себя деть.

— Что мне делать с руками?

— Убери их.

— Куда?

— Да хоть в карманы.

— Я не хочу выглядеть, как охранник у супермаркета.

— Тогда двигай ими.

— Как?

— *Чувствуй.*

Он делает движение... и выглядит как человек, который машет мухе, но не может в неё попасть.

Лиза уже смеётся в голос.

— ВСЁ, — говорит Илья. — Я ОФИЦИАЛЬНО протестую против этого урока.

— Нет-нет, — Лиза хватает его за рукав. — Ты великолепен.

— Ты врёшь.

— Да. Но по-доброму.

Она показывает ещё раз — плавно, легко, в ритме.

Он пытается — и опять не получается.

Но вдруг она делает шаг ближе, берет его руки и ставит их на свой ритм, на свои движения.

И... всё меняется.

Её ладони на его запястьях — мягкие и уверенные.

Она ведёт.

Он — следует.

Они двигаются вместе, и впервые в жизни это движение перестает быть для Ильи чем-то постыдным.

— Вот... — шепчет Лиза. — Ты чувствуешь?

— Да... кажется... — он сглатывает. — Что-то чувствую.

— Это и есть импровизация.

И Лиза всё ещё держит его руки.

И мир вокруг будто растворяется — остаётся только ритм, движение и её дыхание рядом.

В этот момент Илья впервые ловит себя на мысли:

ему нравится быть в мире Лизы.

Где ничего не нужно контролировать.

Где можно просто быть.

Илья стоит так близко к Лизе, что чувствует тепло от её рук, и это неожиданно выбивает почву из-под его привычной уверенности. Он, человек структуры, таблиц, расписаний, вдруг оказывается в мире, где всё строится будто бы само собой — без плана, без сетки, без страховки.

— Ты... вроде бы начал понимать, — мягко говорит Лиза, не отпуская его запястий.

— Я начал паниковать, — признаётся Илья.

— Это нормально. Паника — отличное топливо для творчества.

— Это ужасное топливо. Оно вызывает дрожь.

— Дрожь — тоже ритм, — подмигивает она.

Она делает шаг назад, отпуская его руки, но взгляд всё ещё держит его так же уверенно, как держала его запястья.

Илья выдыхает, словно воздух был задержан последние несколько минут.

— Ладно, — говорит Лиза. — Перейдём к следующему уровню.

— У нас есть уровни? Это что, игра?

— Конечно. «Распусти Илью за 24 часа».

— Очень смешно.

— Подожди, финальный босс будет — твой перфекционизм.

— Он непобедим.

— Ошибаешься. Я уже вижу его слабые места.

Она снова садится на бревно и жестом приглашает его сесть рядом. Илья делает это с осторожностью, будто боится случайно нарушить атмосферу, которая вдруг стала хрупкой в своей тишине.

— Скажи честно, — начинает Лиза. — Почему ты так боишься ошибаться?

— Потому что... — Илья замолкает, сжимает гитару, будто ищет ответ на корпусе инструмента. — Потому что ошибка — это... провал.

— Нет, — мягко возражает Лиза. — Ошибка — это опыт. Провал — это когда ты вообще не пробуешь.

Он смотрит на неё — и видит серьёзность, которой обыч-

но под её улыбками не видно.

— Когда я была маленькой, — продолжает Лиза, — мама часто говорила мне одну фразу: «Если ты слишком боишься фальшивить, ты никогда не услышишь свою песню».

— Она тоже была... импровизатором?

— Она была как ветер. Никогда не стояла на месте. Никогда не повторялась. Даже песни у неё каждый раз звучали по-новому.

Лиза тихо усмехается, опускает взгляд.

— Я иногда думаю, что мне не хватает её сумасшедшей свободы.

— А мне не хватает твоей, — неожиданно произносит Илья.

Лиза поднимает на него глаза — в них удивление, но не испуг. Скорее... что-то тёплое, распознаваемое.

— Ого, — улыбается она. — Ты только что сказал очень важную вещь.

— Я?

— Ты.

— Я просто...

— Нет, не «просто». Это было честно.

Она медленно отодвигает гитару и слегка подталкивает его плечом.

— Хорошо. Я думаю, ты готов к практическому заданию.

— Уже? Мы только поговорили!

— Вот именно. Слова открывают дверь, но ходить ногами

всё равно придётся самому.

Она протягивает ему гитару — ту самую, которую обычно боится лишний раз царапнуть.

Илья берёт её так, будто держит в руках что-то гораздо более значимое, чем просто инструмент.

— Теперь сыграй что-нибудь.

— Что?

— Что угодно.

— Я... но...

— Всё ещё боишься?

— Да! Конечно!

— Прекрасно. Тогда играй.

Он делает глубокий вдох.

Ещё один.

И начинает.

Первые ноты — нерешительные, будто проверяют почву.

Потом медленные, осторожные переборы.

Потом — что-то вроде мелодии.

Сначала корявой, потом чуть смелее.

Лиза слушает внимательно, не перебивает, не улыбается — просто смотрит и слушает.

Илья чувствует, как в нём что-то переворачивается: это не игра по правилам, но и не хаос.

Это... разговор. Настоящий.

Он заканчивает тихий последний аккорд и, кажется, даже замирает сам — словно боится услышать оценку.

— Это было... — Лиза прикусывает губу. — Очень честно.

— То есть плохо.

— Нет. Это было твоё. А «плохо» — это когда человек притворяется. Ты сейчас не притворялся.

Он выдыхает. Ему кажется, будто с плеч что-то сползло — что-то тяжёлое и старое.

Но Лиза уже снова смеётся:

— Хотя да, пара мест была ужасной фальшью.

— Конечно. Я знал.

— Но фальшь — это начало импровизации.

— Не уверен, что так говорят музыканты.

— Так говорю я, — отвечает она, — а значит, это официально стало правилом.

Илья улыбается — впервые за всё утро совершенно свободно.

— Хорошо, маэстро импровизации, — говорит он. — Что дальше?

— Дальше будет самое сложное, — заявляет Лиза.

— Я знала.

— Ты готов?

— Нет.

— Отлично.

Она встаёт, улыбается хитро и тянет его за руку:

— Мы идём на поляну за лагерем. Там будет экзамен.

— Какой экзамен?

— Экзамен на свободу.

— Лиза...

— Поздно отступить! Ты уже вступил на путь анархии.

Илья фыркает, но следует за ней.

Он ещё не знает, что через несколько минут окажется в ситуации, о которой потом будет вспоминать и смеяться годы.

Илья чувствовал себя немного растерянным: вроде бы он давал мастер-классы начинающим музыкантам, объяснял устройство ритма и важность чистой техники, но вот сейчас, стоя перед Лизой с гитарой в руках, он ощущал себя студентом, которому выдали домашку на тему «будь свободным». Как такой вообще можно выполнить?

— Отлично, — сказала Лиза, вставая напротив него. — Теперь сыграй то же самое... но так, как будто хочешь кого-то соблазнить.

— Кого? — Илья чуть не подавился воздухом.

— Неважно кого. Лес. Вселенную. Меня. Рояль. Сосну справа. Тут простор для фантазии.

— Я не соблазняю сосны, — серьёзно ответил он.

— Вот поэтому у тебя и не получается импровизация!

Она перехватила гитару и быстро сыграла набор мягких аккордов, добавив лёгкий «скользящий» переход. Никаких правил, никакой чёткой логики — но звучало живо, будто мелодия сама выбирала, куда ей течь.

Илья внимательно слушал. Это было не то, что учили в

музыкальной школе. Там всё строго: поставь руку, держи позицию, не смей прыгать через ступень. А здесь — будто можно всё, стоит только перестать переживать за правильность.

— Лиза, ты понимаешь, что то, что ты играешь, нарушает все принципы гармонии?

— Именно! — Она улыбнулась так заразительно, что он тоже почти улыбнулся. — Гармония иногда хочет быть нарушенной. Это как танец босиком по лужам — странно, но приятно.

Он снова взял гитару. Сыграл аккорд. Второй. На третьем задумался. На четвёртом снова зажался.

— Стоп, — сказала Лиза. — Дай руку.

— Зачем?

— Дай, не бойся. Я не кусаюсь. По утрам, по крайней мере.

Он протянул руку. Она мягко повернула его запястье, поправила пальцы.

— Вот так. Расслабься. Ты держишь гитару, как будто пытаешься защитить её от ограбления. Музыка нужно обнимать, понимаешь?

— Я... пытаюсь.

— А ты попробуй не пытаться. Просто сделай.

Он выдохнул. Закрыв глаза. Представил, что аккорд — не задача, которую надо решить, а что-то вроде вдоха. Не нужно думать. Нужно прожить.

Пальцы двинулись сами. Он добавил небольшой переход,

на который никогда бы не решился в обычной игре. Получилось странно. И... приятно.

Лиза хлопнула в ладоши.

— Боже! Он сделал это! Илья «Никаких-отклонений-от-метронома» Соколов нарушил правило!

Он открыл глаза.

— Это... действительно звучало неплохо?

— Это звучало, как будто ты наконец живой.

Она подошла ближе, почти касаясь его плеча.

— Видишь? Это и есть импровизация. Ты не должен бороться с музыкой. Надо позволить ей быть честной.

Илья хотел ответить что-то умное, но вместо этого почему-то тихо рассмеялся. Впервые за долгое время — легко, без напряжения.

— Хорошо, — сказал он. — Давай ещё раз. Только... можешь не смотреть так внимательно?

— Нет. Хочу наблюдать, как ты становишься человеком, — подмигнула она. — Начинай.

Илья покраснел, но снова поднял гитару.

И сыграл. Уже смелее.

Лиза тихонько подхватила ритм хлопками. Птицы на ветках прислушались. Утро будто расправило плечи.

Что-то менялось.

Илья впервые чувствовал это не умом — а сердцем.

Лиза, вдохновлённая его смелостью, подошла ещё ближе, будто боялась спугнуть только что появившийся у Ильи «му-

зыкальный хребет». Он продолжал играть, уже не цепляясь за ноты, а будто прокладывая собственную тропу между деревьями. Казалось, даже ветер затаил дыхание, прислушиваясь к этому робкому, но честному ритму.

— Вот! — Лиза подняла палец. — Ты слышал? Ты сделал маленький сбой.

— Это плохо?

— Это жизнь! Ты же не метроном. Ты человек. А люди ошибаются красиво.

Илья на секунду замер, позволяя её словам осесть внутри. Ошибаются красиво... Он всю жизнь боялся ошибки — на концертах, в отношениях, в каждом шаге. А теперь кто-то говорит ему, что в этом есть красота? Неудивительно, что рядом с ней у него всё идёт «не по плану».

Лиза подняла собственную гитару — старую, с вмятиной у корпуса, с облупившимся лаком, но явно любимую — и подстроила под его импровизацию. Они заиграли вместе, создавая что-то похожее на разговор: его фразы — аккуратные, осторожные, её — дерзкие, смелые, тянущие за собой. Музыка сталкивалась, кружилась, спорила и вдруг находила общий язык.

— А теперь сыграй что-нибудь... очень личное, — сказала она.

— Личное?

— То, что обычно прячешь. — Она подалась вперёд, заглядывая ему в глаза. — Ты же что-то прячешь. У тебя на

лице написано: «У меня есть тайны, но я их никому не покажу».

Он нервно хмыкнул.

— И что мне сыграть?

— Не думаю, что у тебя нет ответов. — Она слегка коснулась его руки. — Просто попробуй.

Илья почувствовал, как внутри что-то дрогнуло, будто кто-то тихо открыл дверь в давно закрытую комнату. Он сделал вдох — и пальцы сами нашли несколько нот. Простые. Медленные. Почти детские. Но в них было то, что он не говорил вслух: страх разочаровать. Страх быть неидеальным. Страх, что если он позволит кому-то приблизиться, его снова оставят — как когда-то группа, как друзья, как первая любовь.

Лиза слушала без единого комментария. Только мягкая, почти осязаемая тишина вокруг. Когда он закончил, она сказала:

— Вот оно. Ты думаешь, что играешь слабость. А это сила. Илья, ты сильный, когда честный.

Он опустил гитару. Несколько секунд никто не произнесил ни слова. Утро вокруг стало ярче — или это просто внутри у него что-то встало на место? Лиза присела рядом, положив руку на его колено.

— Илья... ты понимаешь, что сейчас сделал?

— Испугал лес?

— Нет, — она рассмеялась. — Ты впервые перестал пря-

таться.

— А ты не слишком быстро делишься выводами?

— Я женщина. Мы так работаем.

Он улыбнулся. Как-то тепло, спокойно, будто они уже давно знают друг друга. Лиза поднялась и сделала пару шагов назад.

— Ну что, студент, — сказала она, вскинув гитару. — Урок №2: импровизация — это не про музыку.

— А про что?

— Про умение доверять. Себе. И... иногда — кому-то рядом.

Илья хотел что-то ответить, но вдруг понял, что слова мешают. И сыграл ещё одну фразу — чуть смелее прежней. Лиза подхватила. Они снова засмеялись одновременно, даже не договорившись.

Музыка лилась свободно. Легко. Почти невесомо.

И впервые за много лет Илья почувствовал, что дышит полной грудью.

Глава 9. Пункт назначения-неизвестен

Утро приходит слишком рано — как всегда после ночёвки под открытым небом. Лиза просыпается первой: волосы растрёпанные, свитер наполовину свалился с плеча, но глаза сияют так, будто она спала на королевском матрасе, а не на коврикe возле кострища. Илья, наоборот, поднимается со стоном — у него ощущение, что ночью какой-то невидимый шаман выколотил из него все кости и забрал обратно. Элвис бодр, весёло рыщет вокруг, выискивая что-нибудь съедобное и потенциально запрещённое.

— Доброе утро, мистер «Я-ненавижу-природу», — хихикает Лиза, потягиваясь.

— Мне снилось, что на меня напало стадо гусей, — мрачно отвечает Илья.

— Это не сон. Они просто приходили посмотреть, дышишь ли ты.

Лиза собирает остатки костра, Илья укладывает инструменты назад в минивэн. Всё идёт быстро, с удивительной лёгкостью — как будто за ночь что-то незаметно изменилось. Они уже не действуют параллельно, каждый сам по себе; теперь движения складываются в одну общую рутину, похожую на плохо, но мило отрепетированный дуэт.

— Так... — Илья достаёт телефон, собирается открыть навигатор. — У нас по плану три часа до следующего городка...

Он нажимает экран. Ничего не происходит. Телефон завис.

— Отлично. Самое время для новых испытаний.

Лиза подходит ближе и тоже тыкает в экран.

— Он умер?

— Он... делает вид, что думает.

— Значит, точно умер.

Телефон выключается окончательно.

— План Б? — спрашивает она.

— Мы едем по бумажной карте, как в прошлом веке?

— А ещё лучше, — Лиза хитро улыбается. — Мы едем, куда глаза глядят.

Илья смотрит на неё, как будто она предложила ему прыгнуть с парашютом, не проверяя, есть ли там что-нибудь внутри.

— Лиза. Мы уже отстали от фестиваля. Мы заблудились. Мы ночуем в лесу, где гуси ведут себя агрессивнее, чем некоторые фанаты. А теперь ты хочешь ехать... как? «На вдохновение»?

— Именно.

Она достаёт старую, потрёпанную карту Казахстана — ту самую, что валялась под сиденьем минивэна и которую они оба игнорировали все предыдущие дни. Карта распахива-

ется, как крылья дракона: огромная, неудобная, со множеством линий, которые, кажется, сами не знают, куда ведут.

— Вот, — Лиза кладёт карту на капот. — Мы сейчас где-то возле Берёзовки.

— «Где-то» — ключевое слово, — бурчит Илья.

В этот момент Элвис, которому скучно, подходит, нюхает бумагу... и решительно ставит лапу ровно на участок возле трассы, ведущей в сторону Алматы.

Лиза моргает.

— Ну... вот и всё.

— Что — всё?

— Собака выбрала путь.

— Подожди, мы серьёзно позволим собаке решать наши маршруты?!

— А почему нет? Он в этой компании самый уверенный.

Элвис радостно гавкает, будто подтверждая: он, вообще-то, давно всё понял за этих двух.

— Ладно, — Илья вздыхает, удивляясь себе. — Если мы погибнем, в письме родственникам напишите, что виноват пёс.

Лиза сворачивает карту, бросает её на приборную панель и забирается в машину.

— Готов?

— Нет.

— Отлично! Поехали.

Минивэн трогается. Дорога сначала кажется определённой.

ной — асфальт, поля, привычная степь. Они едут от Берёзовки, и мир вокруг медленно просыпается: одиночные машины, редкие домики, вдалеке блестят крыши сельских магазинов.

— Ты когда-нибудь ездил без плана? — спрашивает Лиза, свесив локоть в окно.

— Только один раз, — отвечает он спустя паузу. — Когда сбежал с репетиции на экзамен по физике.

— И?

— Провалил и то, и другое.

— Отличное начало твоего жизненного пути.

Она смеётся, а он, к собственному удивлению, улыбается тоже.

Навигатор не работает. Карта сомнительная. Собака — их новый GPS. А впереди виднеется развилка, ведущая либо напрямую к областному центру, либо в сторону бесконечных дорог, что тянутся на юг — туда, где Алматы далека, маняща и совершенно неопределённа.

Но именно так, похоже, и должен начинаться «настоящий путь».

Илья впервые не пытается сопротивляться.

И это пугает меньше, чем он ожидал.

Дорога постепенно меняет настроение. Асфальт становится светлее, тише, будто выцветает под солнцем. Поля растягиваются бесконечными зелёными плоскостями, а впереди, на горизонте, просматривается лёгкая дымка — обещание

больших расстояний и ещё больших приключений.

Лиза включает радио. Из динамиков раздаётся хриплый местный сигнал, затем внезапно — народная музыка, будто из деревенского ЗАГСа.

— О, — оживляется она, — это мой любимый жанр: «Что было в кабаке в семь утра».

Илья вращает ручку настройки.

— Может, найдём что-то... менее... ударное?

— У нас нет навигатора. Дай хотя бы песням вести нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.